Небесные верблюжата

Е. Гуро.

НЕБЕСНЫЕ ВЕРБЛЮЖАТА.

Только юности хочу я покланяться, только юности.

Вы скажите про бурю, чтобы не выросли дѣти, ничего не слыхавъ про бурю...

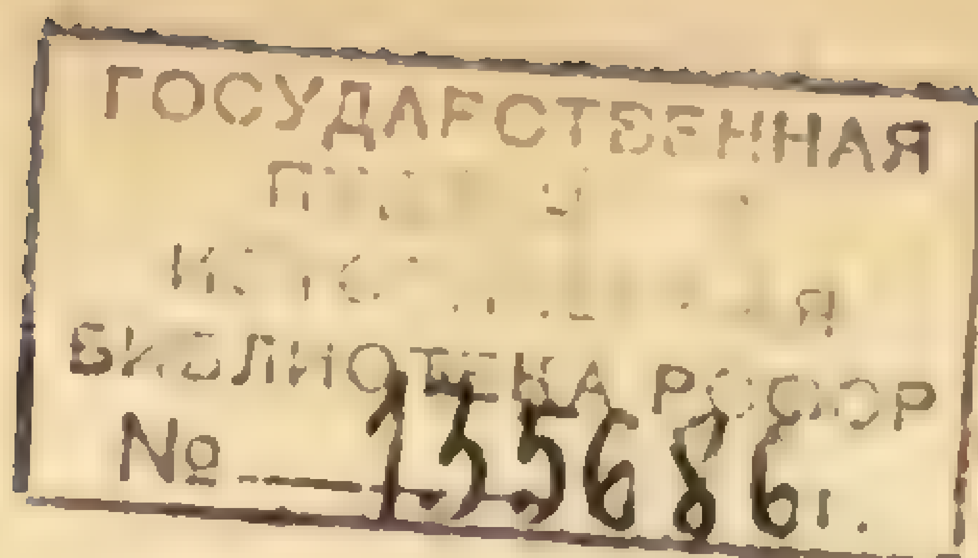

ГАЗЕТНОЕ ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Верблюжьяго пуха особо теплыя фуфайки, кальсоны, чулки и наживотнички.

Это дѣлается такъ: ловятъ въ засаду молодыхъ свѣтлыхъ духовъ, длинноватыхъ и добрыхъ, похожихъ на золотистыхъ долговязыхъ верблюжатъ, покрытыхъ пухомъ святого сіянія. Сгоняютъ ихъ въ кучу, щелкая по воздуху бичомъ, и нѣжныя, добродушныя созданія, слишкомъ добрыя, чтобы понять, какъ это дѣлаютъ боль, толпятся, тѣснятся, протягивая другъ черезъ друга шеи, жмутся о грубую за-

15c [illegible]

ГАЗЕТНОЕ ОБЪЯВЛЕНІЕ.

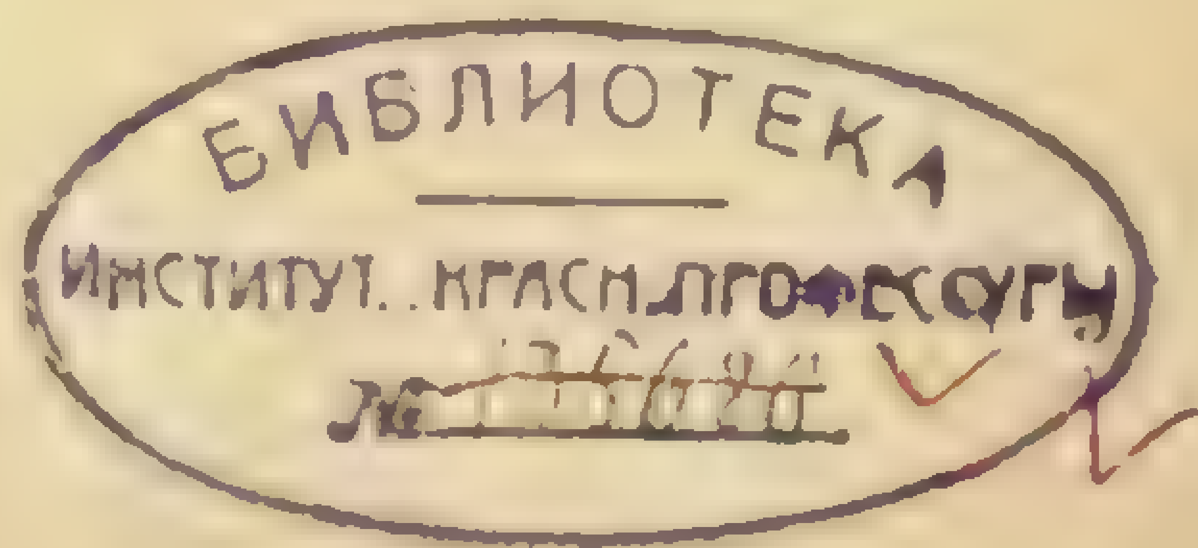
Верблюжьяго пуха особо теплыя фуфайки, кальсоны, чулки и наживотнички.

Это дѣлается такъ: ловятъ въ засаду молодыхъ свѣтлыхъ духовъ, длинноватыхъ и добрыхъ, похожихъ на золотистыхъ долговязыхъ верблюжатъ, покрытыхъ пухомъ святого сіянія. Сгоняютъ ихъ въ кучу, щелкая по воздуху бичомъ, и нѣжныя, добродушныя созданія, слишкомъ добрыя, чтобы понять, какъ это дѣлаютъ боль, толпятся, тѣснятся, протягивая другъ черезъ друга шеи, жмутся о грубую загородку, теряя съ себя въ тѣснотѣ свой нѣжный пухъ.

Этотъ-то пухъ небесныхъ верблюжатъ, особо теплый весеннимъ живоносньмъ тепломъ, и собираютъ потомъ съ земли и ткутъ изъ него фуфайки.

— А какъ же бѣдныхъ верблюжатъ такъ и убьютъ?— спросили меня съ безпокойствомъ.

— Чего ихъ убивать, — ихъ погоняютъ, погоняютъ, пока пухъ съ нихъ пообобьется, да и выпустятъ обратно въ небо до слѣдующаго раза, а пухъ у нихъ отрастаетъ въ одну минуту еще лучше прежняго.

НЕБЕСНЫЯ ПРОТАЛИНЫ.

Сѣверились далекія, невыносимо чистыя полосы.

Межъ облаками озера плыли цѣлый день, точно гордые лебеди въ лазури. Межъ черными березами жила розовая небесная проталина и — дышала.

Дышала и березы были мокрыя.

Съ высоты проходили по небеснымъ проталинамъ вѣстники, проходили черезъ все наклоненное небо. И слышали ихъ только нѣжныя и гордыя души деревьевъ, просвѣтленныхъ глубинами небосклоновъ, и не понятыя никѣмъ башни,

и нѣжное падшее небо, опустившее къ землѣ ладони ласки.

И шли по близкому землѣ, покорному отъ ясности, небу, небу ставшему нѣжнымъ и палевымъ и уже не отходившему отъ нея. И въ немъ развѣвались прутики, огорченные и тронутые городской близостью. Пролетали трамваи за трамваями видѣли прутики.

Шли вѣстники, — и услышали ихъ проясненныя души удаленныхъ вершинъ и башенъ.

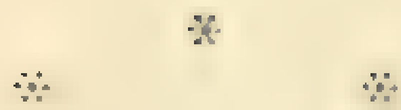
И услышали уже проявленныя и — молились.

И разстилались гдѣ-то озера, — озера, — озера.

Когда идетъ навстрѣчу сѣверу юноша, его прямо въ лобъ бьетъ вѣтеръ, въ открытый чистый лобъ, не умѣющій еще бояться.

Разлетаются волосы конской челкой. И лошадиная прыть къ тому, что впереди, — а впереди — озера, — озера.

Гдѣ-нибудь и крылечко, въ ту пору таяло, а надъ нимъ лиственница простерлась елочкой. И лиственница дышала.

И одинъ говорилъ — завершаемъ, а другой отвѣчалъ — вѣрю.

И не сказали ни другъ, ни друзья, — такъ было глубоко, такъ было глубоко розовое небо.

И подходилъ прохожій, и сказали — другъ.

И эхо подмерзавшихъ вечернихъ амбаровъ сказало — другъ.

Остановился и говоритъ: вѣрю, — вѣрю вамъ.

— Войдите!

— Нѣтъ спѣшу. Спѣшу, но вѣрю, — разбѣжались дороги всѣ по вселенной въ разныя стороны, — но перекликаются.

Такъ глубоко, такъ глубоко было розовое небо.

Такъ было розово, точно сказанный завѣтъ волновалъ душу, и слова расцвѣтали и доходили до самыхъ губъ, и не сорвавшись гасли полувопросомъ и не срывались и расцвѣтали снова.

Точно шелъ кто-то и дѣлалъ гордый знакъ отважнымъ гордецамъ, что мчались навстрѣчу потоку дней съ крылатыми шагами и жестами.

НА ЕЛОВОМЪ ПОВОРОТѢ.

Крѣпите снасти!
Нордъ-Вестъ!
Смѣльчакомъ унеслась
въ небо вершина
И стало недоступно
И строго
на краю,
Отъ ея присутствія — небо — выше.

ЭТОГО НЕЛЬЗЯ ЖЕ ПОКАЗАТЬ КАЖДОМУ?

Прости, что я пою о тебѣ береговая сторона,
Ты такая гордая.
Прости, что страдаю за тебя —
Когда люди, не замѣчающіе твоей красоты,
Надругаются надъ тобою и рубятъ твой лѣсъ.
Ты такая далекая
И недоступная.
Твоя душа исчезаетъ какъ блескъ —
Твоего залива
Когда видишь его близко у своихъ ногъ.
Прости, что я пришелъ и нарушилъ —
Чистоту, твоего одиночества;
Ты царственная.

Какъ мать закутываетъ шарфомъ горло сына, — такъ я слѣдила вылетъ кораблей вашихъ гордыя, гордыя созданія весны!

Не хотимъ нѣжиться — хотимъ пересиливать, мастеровые купили бы сѣмячекъ, — купимъ — чѣмъ мы лучше?
Упыла брезгливость и связываетъ!

Г-нъ поэтъ! ты уронишь за бортъ записпую книжку!

Яхта вылетѣла въ море. Въ морѣ мы увидали вдругъ черное брюшко, — такъ и легло... и повернули такъ ловко, что она лососиникой стала крылатой... Играла въ волнахъ не могла натѣшиться — опять и опять!

А волны были порядочныя!

Раздружимся?.. Не вѣрно, вѣдь мы попутчики, — буря за нами, — впереди весна!..

Насъ раскачало и взбросило высоко.

Разлука только для тѣхъ, кто остался сидѣть трусливо... Вмѣстѣ куда-то летѣть и прянуть и захлебнутся въ блестящихъ брызгахъ...

Вмѣстѣ, заразъ!..

А навстрѣчу дулъ свѣжій вѣтеръ и благоухали лиственницы.

На выставкѣ нашихъ публика хохотала! Прекрасно! Прекрасно!.. Кончите скоро свою драму?.. Вѣримъ въ кредитъ! вѣримъ...

Вчера со взморья насилу вернулись, волны били, вѣтеръ пищалъ комаромъ въ волосахъ — смерть! смерть!.. Прекрасно! Прекрасно! публика хохотала.

И сіяли лиственницы весной!..

ВЕСНА, ВЕСНА!

Какой смѣшной былъ верблюжонокъ — прилежный. Старательно готовился къ экзаменамъ и потомъ проваливался отъ застѣнчивости, да чудачества. А по зарямъ, чѣмъ бы прилечь носомъ въ подушку, — украдкой писалъ стихи.

Отъ прилежанія отнималъ у себя радость первыхъ листьевъ въ весеннемъ небѣ. А не умѣлъ, чтобы брюки не вылѣзали изъ за пояса и чтобы рубашка не висѣла мѣшкомъ, и передъ чужими было бы ловко.

Не умѣлъ представиться, что не хочетъ играть въ лаунъ-тенисъ, — и видѣли всѣ, что не умѣетъ отъ застѣнчивости, и что хочетъ застѣнчивость скрыть и тоже не умѣетъ, и мучительно зналъ онъ, что на самой спинѣ у него читаютъ, какъ ему невыносимо неловко... И онъ видѣлъ потому веселье чаще всего удаляющимся и мелькающимъ вдали сквозь деревья.

Да, но на днѣ зеркальныхъ озеръ яснятся охраненныя нетронутыя зори. Одинокія чистыя небеса.

Когда верблюжонокъ смотрѣлъ на небо, въ родномъ небѣ разливался родной теплый край.

*
* *

О, полной чашей богато ты — сердце, во все повѣрившее.

*
* *

Раздумьи — возвеличенныя одиночествомъ.

Поймутъ ли это тѣ, — чья судьба всегда грѣться у чужихъ огней? Чужіе огни даютъ мало тепла: — и отъ нихъ часто прогоняютъ.

Вѣчная елка все мчится вверхъ въ голубую бездну, и все остается передъ глазами, и все-таки побѣдоносно мчится вверхъ.

И вотъ дѣлается ужасно стыдно за всѣ свои протори и убытки.

Обѣщаемся не опускать глаза, когда насъ встрѣтятъ съ насмѣшкой тѣ, кого мы любимъ. (И тѣ кому мы вчера вѣрили — или еще сегодня утромъ). Нѣтъ! Мы примемъ ихъ насмѣшку въ тихіе, ясные, широко раскрытые наши глаза и будемъ ее носить на груди нашей, какъ орденъ, не скрывая.

Это насмѣшка того, — кому я хочу счастья...

Пусть мои мечты да соберутся вкругъ твоей головы: мечты счастливаго мечтателя, — вкругъ тебя мой бѣдный, бѣдный насмѣшникъ.

* * *

Я глупъ, я бездаренъ, я неловокъ, но я молюсь вамъ высокія елки. Я очень даже неловокъ, я — трусъ. Я вчера испугался человѣка, котораго не уважаю. Я изъ трусости не могу научиться на велосипедѣ. У меня ни на что не хватаетъ силы воли, но я молюсь вамъ высокія елки.

Я вчера доброй дамѣ, которая дала мнѣ молока и бисквитовъ, не рѣшился признаться, что я — пишу декадентскіе стихи, изъ мучительнаго страха, — что она спроситъ меня, гдѣ меня печатаютъ? И вотъ сказалъ, что главное призванье моей жизни съ увлеченьемъ давать уроки. Сегодня я отъ стыда и раскаянія — колочу себя . . .

Я вчера кончилъ стихи совсѣмъ не такъ, какъ хотѣлъ, но я зналъ, что надо мной будутъ смѣяться... Но вотъ всѣ пошли на гулянье къ вокзалу, — а я молюсь вамъ высокія елки, безъ васъ я очень глупъ, очень . . . . .

У ПЕСЧАНАГО БУГРА ВЪ ГОЛУБОЙ ДЕНЬ.

Вотъ стоятъ цари, увѣнчанные свѣчами...

Въ свободной, — свободной высотѣ, надъ вѣнцомъ царей, пустой флагштокъ нѣжно сверлитъ голубизну...

Здѣсь я даю обѣтъ: никогда не стыдиться настоящей самой себя. (Настоящей, что пишетъ стихи, которые нигдѣ не хотятъ печатать). Не конфузиться, когда входишь въ гостиную, и какъ бы много ни было тамъ непріятныхъ гостей, — не забывать, что я поэтъ, а не мокрица...

И не желать никогда печататься въ ихъ журналахъ, не быть, какъ всѣ, и не отнимать жизни у животныхъ.

Почему я и это думаю?

Поэтъ — даятель, а не отниматель жизни... Посмотри, какой міръ хорошенькій, — вымытый солнцемъ и уже — вѣритъ въ твое чувство и твои будущія писанія и глядитъ на тебя съ благодарностью...

Поэтъ-даятель жизни, а не обидчикъ отниматель. И — обѣщаю не стѣсняясь говорить элегантнымъ охотникамъ, какъ-бы они ни были привлекательны, что—они подлецы — подлецы!!!

И пусть за мной — никто не ухаживаетъ, я сильна!

Но сдержу ли я свое слово?., Сдержу ли я его?

Я сжимаю кулаки, но я одна и кругомъ величественно.

Это быстро у меня проходитъ . . . . .

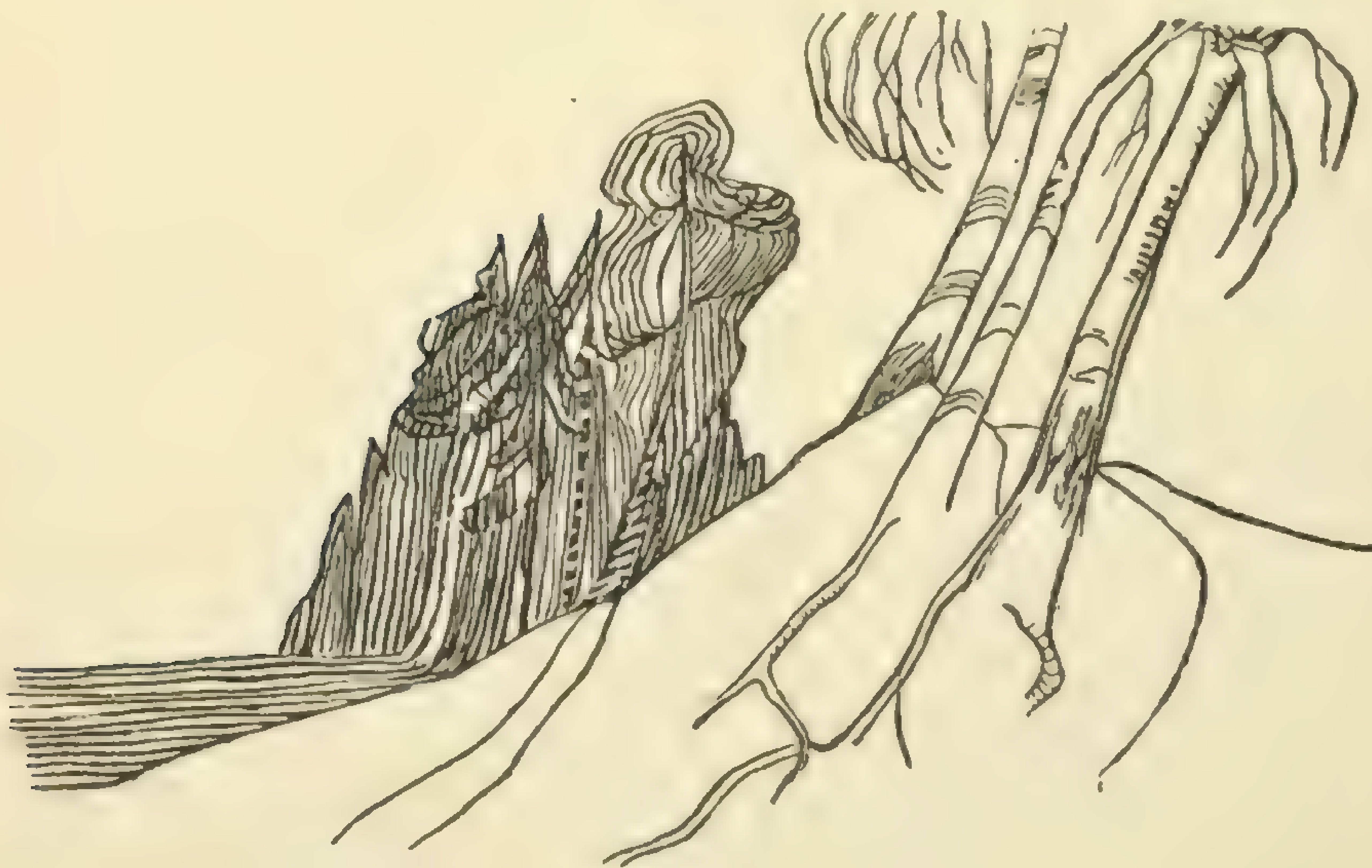
Моя рука подняла камешекъ и бросила... кружась спиралью онъ очертилъ арку надъ краемъ лѣса въ голубой странѣ... Онъ былъ всю жизнь на землѣ, и вдругъ моя рука дала ему полетъ... Пролетая голубизну, — блаженствовалъ ли онъ?

*
* *

Развѣваются зеленыя кудри на небѣ.
Небо смѣется.
Мчатся флаги на дачахъ,
струятся съ гордыхъ флагштоковъ,
плещутъ въ голубомъ вѣтрѣ.

*
* *

Вѣтрогонъ, сумасбродъ, летатель,
создаватель весеннихъ бурь,
мыслей взбудораженныхъ ваятель,
гонящій лазурь!
Слушай, ты, безумный искатель,
мчись, несись,
проносись, нескованный
опьянитель бурь.

*
* *

Поклянитесь однажды здѣсь, мечтатели,
глядя на взлетъ,
глядя на взлетъ высокихъ елей,
на полетъ, полетъ далекихъ кораблей,
глядя, какъ ходитъ въ небѣ островерхія,
никому не ввѣряя гордой чистоты, —
поклянитесь мечтѣ и вѣчной вѣрности
гордое рыцарство безумія!
И быть вѣрными своей юности
и обѣту высоты.

*
* *

А тамъ, о своей застѣнчивости, замирая отъ наплыва юности и мальчишества, море шептало, обогрѣтое вечеромъ.

Земля, скажи, почему одна душа смолоду замолкнетъ, а другая душа поетъ, поетъ о тебѣ...

О тебѣ поетъ безмѣрнымъ голосомъ.

И о добромъ солнцѣ твоемъ поетъ, земля!

Какъ это такъ, живетъ, красуется и вдругъ замолкнетъ и живетъ безъ голоса, точно ей уже нечего больше сказать во всю жизнь?...

*
* *

ДОГОВОРЪ.

Если ты хочешь заключить союзъ съ тѣмъ, что дѣлаетъ хвойныя глубины таинственными и блѣдное небо божественнымъ, и если ты полна твердости древнихъ сагъ, и когда ихъ читала, въ тебѣ просыпалась сѣверная гордость и желаніе топнуть ногой и вскинуть высоко голову съ расплетенной гривой, — бѣги прямо передъ собой на свѣтлый край неба.

„Топъ, топъ — круглая поляна!

— „Кто ты?" — кричатъ невидимые, такъ что свиститъ у тебя въ ушахъ.

Ты отвѣтила:

„Я завоеватель!"

— Дерзкая!

„Я творецъ! Я свѣтлый ураганъ Бальдера!"

И слышенъ топотъ твоихъ ногъ.

Впереди въ просвѣтахъ еловыхъ вершинъ бархатная, расплавленная заря. Безмолвіе — ея голосъ. Она, — знакъ обращенный къ тебѣ, — и въ этомъ уже состоитъ договоръ... Приложи палецъ къ губамъ! шш-шш...

Сумерками возвращаешься и не слышишь ни ногъ своихъ, ни дороги. Ты превратился, человѣкъ, въ сумеречное созданіе. Ты полна вѣдѣнія, но говорить тебѣ не хочется. Ты могла бы разговаривать глубокими тихими знаками, какъ разговариваетъ вечернее тихое небо. Въ домѣ ужъ совсѣмъ темно и только смотрятъ въ комнату окна. Раздѣваешься безъ свѣчи изъ уваженія къ чуткимъ стражамъ ночи.

Но если ты не будешь вѣрной и непреклонной; если

захочешь скорѣе сбросить съ себя то, что дѣлаетъ тебя особенной и твоей собственной. Если испугаютъ тебя одинокіе часы канупа принесенія жертвы, — и подвигъ чистаго безмолвія, и горькія обиды тѣхъ, кто покажется тебѣ прекрасными, — тогда тебѣ придется бояться бѣлыхъ ночей и длинныхъ зорь начала лѣта. Этихъ стражей зорь, когда заключаются знаки.

Но снимется ли до конца отмѣченность?

Ты будешь говорить другу: — „Я почти не люблю бѣлыя ночи! Онѣ томятъ, онѣ смотрятъ, и я не нахожу себѣ мѣста! Я не люблю ихъ, хотя онѣ красивы!

Потому что когда-то, человѣкъ, — ты предала свои мечты. Ты сдалась. Ты забыла прежнее, ты даже не замѣтила этого. Сказала: Прошла молодость: — мнѣ уже за тридцать, всѣ мы успокаиваемся.

Но съ тѣхъ поръ тебѣ стали мучительны бѣлыя ночи. Стыдишься, ходя по саду, плакать, молиться передъ кустомъ жасмина или стволомъ березы въ бѣлыя ночи! Не выходишь по нѣскольку разъ вечеромъ все съ тѣмъ же замираніемъ встрѣтить бѣлѣющій стволъ или шпицъ, башню хвойной вершины въ концѣ дорожки... И ты права бояться! Лучше постарайся устроиться такъ, чтобы не встрѣчать эти глаза, эти призывы, — въ бѣлыя ночи! Въ бѣлыя ночи!

А вечера молодого лѣта бываютъ свѣтлы и прозрачны какъ слезы!

ОДИНЪ РАЗГОВОРЪ.

Я возвращалась въ городъ изъ гостей, гдѣ было очень свѣтло, празднично и больно. Потому что есть такія парадныя комнаты, страшно яркія, съ громкимъ, непринужденнымъ, обособленнымъ, — уже готовымъ безъ васъ, — шумомъ. Куда входить всегда больно, неловко, гдѣ бываешь всегда бѣднякомъ и дуракомъ, а когда оттуда уходишь въ темноту, то чувствуешь себя сиротой на всемъ бѣломъ свѣтѣ. Такія комнаты передъ Рождествомъ — этимъ жаднымъпраздникомъ счастливыхъ — просто невыносимы.

Вы оглядываетесь еще разъ на освѣщенныя окна; — нѣтъ, нигдѣ, никогда еще огни въ окнахъ не были такъ красивы. И люди не жили такъ ярко и весело!...

Было хорошо и тихо подъ вечеръ, когда я заждалась моего поѣзда на лѣсной маленькой платформѣ.

Сквозь темноту чуялось кругомъ много, много лѣса и что то въ темнотѣ свершалось важное.

Оттеплилась земля, капало съ крышъ и мокрые стремительные прутья молодыхъ березъ молились восторженно и робко при свѣтѣ фонаря въ близкое, довѣрчивое, теплое небо.

Семафоръ поглядывалъ на меня дружелюбно зеленымъ глазомъ. Я прохаживалась взадъ и впередъ по недлинному досчатому помосту и все смотрѣла, какъ молились прутики въ глубокое тихое небо, поблескивая при тускло единственномъ фонарѣ каплями воды.

Это было долго и душа моя стала слышать немного больше, чѣмъ обыкновенно, и я услышала, какъ земля просила ее:

„Полушай, ты теперь отъ меня такъ близка, ты слышишь голоса воздуха и капель, ты услышишь и меня. Видишь у меня есть заботы, — у меня есть такія дѣти, которыхъ надо мнѣ поручить кому-нибудь, а разъ ты слышишь меня, ты сможешь и разыскать ихъ. Разыщи, пріюти моихъ дѣтей, — они очень неловкія, они молчатъ и едва шевелятъ губами, вмѣсто того чтобы громко и гордо говорить.

Защищай моихъ дѣтей, — ихъ обидѣли, они служатъ въ конторѣ, вмѣсто того, чтобы писать стихи, вмѣсто того, чтобы любоваться на свободѣ мной.

Главное, никто не замѣчаетъ, что они красивы, потому-что на нихъ щиблеты кажутъ ушки, панталоны вытянулись на колѣнкахъ, а веснушки неумѣстно садятся на носъ, — такъ, — на носъ, надъ глазомъ. Они не умѣютъ и поклониться, не пятясь назадъ и не наступая окружающимъ на ноги!

Прими моихъ дѣтей, — они застѣнчивыя. Гдѣ надо промолчать, они отъ страха говорятъ страшно громко, такъ что всѣ съ негодованіемъ оглядываются. А у себя въ конурѣ они потомъ катаются отъ боли по постели, вспоминая свои свѣтскіе подвиги, такъ имъ невыносимо неловко, — они готовы кричать и кусаться отъ застѣнчивости. А никто этого не понимаетъ, что значитъ впадать въ бѣшенство и кусаться отъ застѣнчивости.

Ничего я не умѣю для нихъ, хотя я плачу объ нихъ: съ меня же срѣзаютъ прутья и палки, чтобъ бить моихъ дѣтей.

Она говорила съ милымъ огорченіемъ и лучи шли отъ нея нѣжные и ласковые, и влажные, какъ пухъ, а оттепель и березки молились, точно молодой кто-то жалѣлъ и вмѣстѣ побаивался кого то строгаго вблизи.

А въ лицо мнѣ пахнуло талымъ снѣгомъ. Изъ-за поворота помчались свитки. Прянулъ локомотивъ, сверкая глазами.

За мной оставалась капающая нѣжными голосами лѣсная станція, и было теперь такъ, точно я несла на груди кладъ, или шла стоять гдѣ то на часахъ.

И рѣзкіе свистки мнѣ показались изъ-за лѣса свѣжими, какъ смола, и смѣлыми.

* * *

Изгибы сосновыхъ вѣтвей, — какъ пламя.
Въ вечернемъ небѣ надъ дюной стоятъ золотые знаки.

Воображаю себѣ дорогого мальчика, желаннаго, говорю ему: будь страшно искрененъ.

И тогда дѣлается больно, — что долженъ онъ пережить. Чѣмъ ему отвѣтитъ жизнь? — Побоями? Я хочу взять свое пожеланіе. — Мнѣ больно за нѣжный овалъ его подбородка и за его тихія большія руки.

Я говорю, — будь счастливъ.

Но откуда-то отъ хвойныхъ коронъ на высотахъ приходитъ храбрость и еще „будь готова".

— Будь искрененъ, а я не буду бояться боли! Будь искреннее, будь честное дитя.

Охвачена осенью осинка,
Стремится въ высь.
Страшно за ея душу,
Съ восторгомъ молю—вернись.
Вернись изъ синяго неба свѣтлый огонь.
Плачу я о тебѣ, — о тебѣ.

ВАСЯ.

Они васъ обманули, ваши отцы! Они изъ года въ годъ обманываютъ молодежь. Но я мать, меня не подкупишь, я вамъ скажу правду.

Да, они васъ обманули, — они васъ научили говорить: — Будущее, — упроченное положеніе. . . . Для юноши нельзя рисковать всею будущностью... Это слишкомъ серьезно. Вѣдь у него вся жизнь впереди!...

Но меня, мать, не обманешъ, — когда потускнѣютъ надъ перепиской безсмысленныхъ бумагъ глаза, въ которые я смотрѣлась, какъ въ небо!

Скажи, двѣнадцатилѣтній мальчишка, — ты что видишь, когда тебѣ говорятъ — „Будущее"!? — Вѣдь поле, лугъ, — солнце, рѣчку и лодку!? Не груду же бумаги и не ломберный столъ до разсвѣта каждую ночь въ накуренномъ клубѣ...

Ну, такъ знай! Твоего будущаго тебѣ не дадутъ! Тебя обманываютъ. — Лугъ, лодку и рѣчку тебѣ не дадутъ! Ты не найдешь теперь этими выцвѣтшими глазами свое будущее: тѣхъ друзей, той дѣвушки, — той дороги, какую сулило тебѣ твое настоящее счастье!! Вѣдь твои глаза выцвѣли! Надъ твоими бровями не плететъ больше нѣжныя тѣни весна... Съ твоего полуопущеннаго стыдливо лица, — больше не струится свѣтъ...

. . . „Какимъ вашъ Вася сталъ молодцомъ!"

О, да, тебя выправили на казенной выправкѣ, ты отучился, входя въ дверь, поеживаться, сжимать плечи и вытягивать шею, нѣжный верблюжонокъ!

— Это ложь! Не о юношахъ вы думаете, вы заботитесь только о старикахъ, похожихъ на васъ и понятныхъ вамъ! Юность вы ненавидите, вы ей слишкомъ завидуете, — вы ее гоните и обрѣзаете по мѣркамъ, чтобы она не колола вамъ глаза своей чистотой, честностью и своею способностью по настоящему творить.

О старикѣ съ лысиной и брюшкомъ, путешествующемъ въ Карльсбадъ — думали вы, когда шепелявили объ „упроченномъ положеніи".

А юношу — еще мальчишкой вы заставляли всѣ весенніе мѣсяцы тосковать въ городѣ, глядѣть день за днемъ на противный гимназическій дворъ, сѣрый и каменный — безнадежнымъ тусклымъ взоромъ покорившагося каторгѣ...

Годъ за годомъ его лишали весны! — Звѣздочекъ лиловыхъ въ весеннемъ лѣсу, желтыхъ бабочекъ утромъ, — ромашекъ веселыхъ, какъ солнышки, въ морѣ зеленаго травяного сока. Когда онъ не покорялся, — вы его заставляли, не стѣсняясь въ средствахъ, а если не били, такъ хуже, — обманывали: — „Учись Вася, учись, ты будешь умнѣй!..

А! Вы серьезно думали, что онъ будетъ умнѣй, — лишившись въ самые чуткіе годы — всего Божьяго міра? Учись съ молоду! А весна? А весну учись любить, когда огрубѣешь и устанешь?

Умнѣй! Но не вы ли сами говорили: „И на что эти всѣ учебники, какъ глупо составлены: Все равно забудется и ни на что не нужно!"...

А сами для себя вы припасали творенія поэтовъ, музыку, цвѣты, дачи, поѣздки за границу?!

— А Вася? — Вася долженъ учиться! Вы ненавидѣли своего Васю, вы завидовали его молодости, вы скорѣй

поторопились окургузить его въ мундирчики и погонцы, чтобъ не кололъ онъ ваши глаза, напоминая вамъ свѣтомъ юнымъ своего стана — ангела и забытое вами небо. „Пригладь вихры! — Вдохновенный видъ!“... пронизировали вы, когда невзначай сквозь казенщину, вамъ, видѣлось, что въ немъ раскрылось солнце...

Вы его отдали въ корпусъ, заставили продѣлывать каждый шагъ подъ трескъ барабана, подъ окрикъ муштровки. А въ это время каждый годъ цвѣла и осыпалась черемуха, вили гнѣзда ласточки!

Съ какой бѣшеной жадностью глядятъ иногда на зелень! Вы не знаете? Вы забыли? Безвозвратно забыли, вы больше не знаете.

Вы оторвали его отъ его звѣрьковъ, единственныхъ существъ, понимавшихъ его.

Да его-то самого спросили тогда о его желаніяхъ: чего онъ жаждетъ?

Онъ упирался и плакалъ, обхвативъ шею собаки въ то мзгливое утро, когда его отвозили въ корпусъ. Это для его счастья вы дѣлали? Для счастья этого самаго тогдашняго, неловкаго, долговязенькаго Васи? — Да?... Нѣтъ! Вы того просто убили, принесли въ жертву будущему плѣшивому господину съ геморроемъ, который потомъ родился на свѣтъ изъ трупа замученной вами юности. Плѣшивый господинъ, похожій на васъ, потерявшихъ самый вкусъ и смыслъ жизни...

Вы обманули въ это утро и меня, его мать, вы заставили меня лицемѣрить и просить. — „Папа такъ разстроенъ! У меня аневризмы. Вася, ты долженъ пощадить мамочку. — И мы убили въ это утро моего Васю. Нѣтъ, хуже, мы зама-

пили его въ западню, выбросили въ волчью яму, гдѣ онъ годы гнилъ со сломанными ногами, — гдѣ умирала съ голоду его душа, — годы, и — умерла. И какъ два сообщника, мы ушли отъ ямы, не слушая его криковъ о помощи.

А сколько плакалъ онъ тамъ по ночамъ, одинъ, кусая подушку. — Онъ былъ въ это время счастливъ?

Потомъ, взрослый, онъ приходитъ ко мнѣ и говоритъ: „Я встрѣтилъ ее, — я чувствую, что это она! Отчего же она меня не узнала? Почему, мама, это не можетъ никогда быть взаимно?

Что я могу сказать ему?

Твоя дѣвушка? Да она полюбитъ моего Васю! Васю съ застѣнчивымъ лицомъ и довѣрчивыми глазами и болтающаго неловко руками-граблями... Но тебя „выправили“, мой милый, и я сама едва узнаю тебя! — Ты выправился и сталъ молодцемъ! Ты, мой чиновникъ особыхъ порученій! Любовь, — Она, Солнце, лугъ, рѣчка. — Нѣтъ, теперь ты это оставь, теперь ты просто сдѣлай приличную партію!

Товарищи, друзья! — Зачѣмъ!?. У тебя всегда и вездѣ найдутся сослуживцы! Зачѣмъ тебѣ призванье? У тебя будутъ очередныя награды, повышенья по службѣ. Передъ тобой разстилается не лугъ, мой милый, а служебная карьера или коммерція — какъ мы для тебя мечтали...

Что жъ, ты теперь, вѣрно, счастливъ?

Гдѣ твоя улыбка?

ВЕЧЕРНЕЕ.

Покачнулося море —
Баю-бай.
Лодочка поплыла.
Встрепенулися птички...
Баю-бай,
Правь къ берегу!
Море, море засыпай,
Засыпайте кулички,
Въ лодку дѣвушка легла
Косы длиннѣй, длиннѣй
Морской травы.

. . . .

Нѣтъ, не заснетъ мой дурачекъ!
Я не буду пѣть о любви.
Какъ ты баюкала своего?
Старая Озе, научи.
Вѣтви дремлютъ...
Баю-бай,
Таратайка не греми,
Сердце вѣрное — знай —
Ждать длиннѣй морской травы.
Ждать длиннѣй, длиннѣй морской травы,
А вѣрить легко...
Не гляди-же, баю-бай,

Сквозь оконное стекло!
Что окошко можетъ знать?
И до́рога разсказать?
Пусть говорятъ — мечты-мечты,
Сердце вѣрное можетъ знать
То, что длиннѣй морской косы.

Спи спокойно,
Баю-бай,
Въ море канули часы,
Въ море лодка уплыла
У сонули рыбака,
Прошумѣла намъ сосна,
Облака тебѣ легли,
Строются дворцы вдали, вдали!..

Разложили костеръ на корняхъ и выжгли у живой сосны сердцевину.

Кто? не знаю.

Дерево съ тяжелой кудрявой головой, необъятной жизненной силы — держалось на трети древесины, уродливо лишенное гордаго упора и равновѣсія.

Было очень тихо. Обреченное на медленную смерть, дерево молчало. Несомнѣнно оно знало, что ему сдѣлали, — и окружавшіе его товарищи молчали. И было непріятно и тяжело видѣть выраженіе его головы съ могучими сучьями, какъ тяжело видѣть среди жизни очень здороваго человѣка, котораго временно отпустили, но черезъ срокъ неизбѣжно назначено повѣсить и онъ это самъ знаетъ, и окружающіе, и всѣ молчатъ...

Назадъ шелъ вырубкой.

Злобишься ли ты лѣсъ, когда вершины, что привыкли ходить въ небѣ, — слушать сказанія созвѣздій и баюкать облака, — падаютъ о земь и оскверняются человѣкомъ? Нѣтъ, ты переросъ возможность злобы. Я такъ же переросъ мою злобу, но мнѣ очень тяжело.

На берегу двѣ сосны божественнаго происхожденія. Ихъ немного склоненная вытянутость вытерпѣла рыцарское напряженіе на посту. Въ ихъ отданныхъ вѣтру вѣтвяхъ запуталась прибрежная печаль.

* * *

Несомнѣнно, когда рыцарь печальнаго образа летѣлъ съ крыла мельницы—онъ очень обидно и унизительно дрыгалъ ногами въ воздухѣ и когда упалъ и разбился, — былъ очень одинокъ.

Какъ хочется иногда ласки! Я мечтаю: и вотъ, вдругъ, онъ попалъ бы въ этомъ состояніи къ русской Маврѣ, къ настоящей нашей полевой русской Маврѣ, ужъ она бы ему примачивала, перевязывала, приговаривала:

„Ахъ ты, мой болѣзный! — Эхъ ты, роженый! Тебя тоже мать родила, сосунка глупаго качала, горя не знала, а ты квакалъ, да сосалъ, да гулькалъ!“

А надъ моремъ гдѣ-то далеко на сѣверѣ, гнулись бы тростины, мокли да сохли бы чалки-чалки. Кричали чайки-чайки!

* * *

Онъ довѣрчивъ, —
Не буди.
Башни его далеко.
Башни его высоки.
Озера его кротки.
Лобъ его чистый —
На немъ весна.
Сорвалась съ вѣтки птичка —

И пусть несется,
        Моли, моли, —
Вознеслась и — лети!
Были высоки и упали уступчиво
                        Башни!
И не жаль печали, — покорна небесная.
        Приласкай, приласкай покорную
Овечку печали — ивушку,
        Маленькую зарю надъ черноводьемъ.
Ты тянешь его прямую любовь,
        Его простодушную любовь, какъ ниточку,
А что уходитъ въ глубину?
                        Вѣрность
И его башни уходятъ въ глубину озеръ.
      Не такъ ли? Полюби же его.

*
*   *

Когда онъ уже слегъ, — онъ все повторялъ: — Нѣтъ я знаю, я не рыцарь, я просто Алонзо Добрый! и просилъ у нихъ прощенiе, что безпокоилъ ихъ своимъ безумiемъ. его утѣшали и забавляли, его называли нарочно: — Рыцарь!

Какъ погремушку, ему это вернули теперь, когда онъ все равно слегъ и умиралъ. „Ну, напослѣдокъ пусть поиграетъ бѣднякъ своей мечтой!“.

— Нѣтъ, я не рыцарь. Вы образумили меня, я вѣдь знаю, теперь я уже не безумецъ-гордецъ, — я просто Алонзо Добрый.

„Спи болѣзный“, отъ ласки не знаетъ, что сказать, старая.

— „Какія у тебя уши-то смѣшныя, долгія, не какъ у другихъ...

Какой же ты худой-то, ребра-то всѣ торчатъ!“ И за ухомъ ему потретъ и за ухо потянетъ.

— Отдыхай, на здоровьице...

Гуль, гуль,
Песочекъ солнышкомъ горитъ,
Гуль-гуль, курлы-курлы,
Гуль-гуль, — песочекъ крупный
Гуль-гуль!

*
*   *

— Мама, а Донъ Кихотъ былъ добрый?

— Добрый.

— А его били... Жаль его. Зачѣмъ?

— Чтобы были приключенія, чтобъ читать смѣшно.

— Бѣдный, а ему больно и онъ добрый. Какъ, жаль что онъ ужъ умеръ.

— А онъ умеръ давно?

— Ахъ, отстань, не все ли равно. Это сказка, Леля, Донъ Кихота не было никогда.

— А зачѣмъ же написали книжечку тогда? Мама, неужели въ книжечкѣ налгали?

— Ты мѣшаешь мнѣ шить, пошла спать.

— Если книжка лжетъ, значитъ, книжка злая. Доброму Донъ Кихоту худо въ ней.

А онъ сталъ живой, онъ ко мнѣ приходилъ вчера, сѣлъ на кроватку, повздыхалъ и ушелъ...

Былъ такой длинный, едва ногами плелъ...

— Леля, смотри я тебя накажу, я не терплю безсвязную болтовню.

*
* *

Міръ былъ простъ и ласковъ, какъ голубь, и если бъ его приголубили, онъ сталъ-бы летать.

Но его запрягли въ соху, заперли въ тюрьму, и онъ сталъ торжищемъ и торговой казнью для простодушныхъ, нѣжныхъ и любящихъ.

*
* *

Шелъ дождь, было холодно. У вокзала въ темнотѣ стоялъ человѣкъ и мокъ. Онъ отъ горя забылъ войти подъ крышу. Онъ не замѣтилъ, какъ промокъ и озябъ. Онъ даже сталъ нечаянно подъ самый стокъ...

Онъ не замѣтилъ, что озябъ, и все стоялъ, какъ поглупѣвшая, безпріютная птица, и мокъ. А съ верху на него толстыми струями, пританцовывая и смѣясь, лилась — вода...

Дня черезъ три послѣ этого онъ умеръ.

Это былъ мой сынъ, мой сынъ, мое единственное, мое несчастное дитя.

Это вовсе не былъ мнѣ сынъ, я его и не видала никогда, но я его полюбила за то, что онъ мокъ, какъ безпріютная птица, и отъ глубокаго горя не замѣтилъ этого.

*
* *

И такъ нѣженъ и милосердъ этотъ вечеръ съ высокимъ задумчивымъ лбомъ, что, право, онъ заслужилъ, чтобы его наказали за милосердіе и состраданіе и любовь. Чтобы его больно наказали за его высоту и чистоту.

И такъ же имѣлъ право быть распятъ этотъ нѣжный вечеръ, похожій на весну и на далекую позабытую родину души...

*
* *

Подошелъ къ молодому безумцу мудрецъ и спросилъ его: „Какое имѣешь ты право смѣть?“ Мальчикъ отвѣчалъ дерзостью: — „Мнѣ приходится смѣть, потому что вы всѣ слишкомъ много умѣете!“,

А за дерзость ему связали на спину руки и отняли у него солнце. И отняли у него голубые небесные луга съ бѣлыми утренними барашками.., И вмѣсто всего міра, дали на всю жизнь темный, сырой, каменный ящикъ...

Онъ больше уже не видѣлъ солнца. — Да это же былъ мой сынъ, мой сынъ!..

Нѣтъ! но того изъ мальчиковъ земли, съ кѣмъ это сбудется, — я люблю, какъ сына.

*
* *

Жилъ-былъ еще одинъ мальчикъ, нѣжный, застѣнчивый, чистоплотный, аккуратный...

Но онъ посмѣлъ жалѣть и любить, и отъ жалости онъ становился смѣлымъ — и за это его взяли, какъ преступника, и увели отъ матери...

Въ первый разъ онъ очутился безъ нея.

Его страданья, нѣженки, брошеннаго въ казематъ, — были ужасны, и онъ мучился тѣмъ еще, что былъ одинокъ въ своемъ страданьѣ, его лишенія были больнѣе лишеній нерящливыхъ, грубыхъ преступниковъ, почти не замѣчавшихъ грязнаго режима тюрьмы. Никто этого не понималъ и никому до этого не было дѣла.

Онъ не умѣлъ спать на жесткой нарѣ. Когда утромъ его повели къ доктору — онъ былъ совсѣмъ боленъ отъ безсонницы и дрожалъ...

— Трусишка! однако, какъ ты дрожишь!..

— Нѣтъ, я не боюсь, какъ вы смѣете такъ говорить. — Я дрожу потому, что я больной... Я третью ночь не сплю, г-нъ офицеръ!.. И потомъ, тамъ кажется... кажется, на койкѣ паразиты!.. Надъ нимъ смѣялись. Его допросъ доставлялъ даровую комедію. Онъ не могъ ѣсть пищу тюрьмы и болѣлъ. Отъ паразитовъ и грязи у него сдѣлались раны.

Надъ нимъ смѣялись и товарищи по заключенью. Они чурались „дворянчика“, — они прекрасно здѣсь ѣли, спали и уживались...

Это же было мое дитя, мое бѣдное, выброшенное изъ дома въ тюрьму, дитя!..

Нѣтъ! но дерзкаго нѣженку, барченка, умѣющаго говорить правду, я люблю больше героевъ...

Я хотѣла бы погладить его сбившіеся на грязныхъ нарахъ въ безсонныя ночи волосы.

*
* *

День сквозь облако—дюна.
Сосны тихо такъ стоятъ кругомъ
Спи, пора...
Видитъ сонъ при морѣ сойма —
Гляди, — ей спится,
Видится лѣсъ легкотуманный...
Засни, — засни.

СОЛНЕЧНАЯ ВАННА.

Ну, теперь на тѣло поэта, лей лучи!

Горячѣй! — На прозрачные пальцы, гдѣ просвѣчиваютъ благородныя кости г-на Маркиза облаковъ.

Жаръ горячей! — Верни имъ розовый цвѣтъ!

Посмотри, какъ неохотно слабыя жилы привязали длинную шею къ плечамъ.

Будь къ нему щедрымъ, — онъ растерялъ много, сумасбродный разиня! — И вотъ кости свѣтлыми узлами просвѣчиваютъ подъ его терпѣливой кожей — и на высокихъ вискахъ голубое небо.

Шпарь его хорошенько! — Такъ ѳму и надо!

Онъ смѣется? — Что!?.. Возвращается жизнь къ тебѣ, мотъ, расточитель, смѣшной верблюжонокъ?!..

Радуешься небойсь!..

На дюнѣ лошади пофыркиваютъ тревожно, протянувъ морду и распустивъ хвостъ, — когда духи въ свѣтлыхъ одѣяніяхъ проходятъ близко мимо и истаиваютъ. Они проходятъ, и сейчасъ же растаиваютъ бѣлымъ паромъ.

Жарко!

— Но нѣтъ, я все-таки не могу безъ мечты: я въ себѣ ношу золотистое голубое тѣло юной вещи, и когда я впиваю жизнь, пьетъ и она: — таковы поэты. Что дѣлать?

— Быть экономными.

— Я такъ и дѣлаю.

І Ю Н Ь.

Глубока, глубока синева.
Лѣсъ полонъ тепла.
И хвоя повисла упоенная
И чуть звенитъ
отъ сна.
Глубока глубока хвоя.
Полна тепла,
И счастья,
И упоенія,
И восторга.

* * *

Пески, досочки.
Мостки, — пески, — купальни.
Іюнь, — іюнь,
Пески, птички, — верески.
И день, и день,
И іюнь и іюнь
И дни, и дни, денечки звенятъ
Пригрѣтые солнцемъ,
Стой! — Шалопай лѣтній,
Стой, Юнъ Іюньскій,

Нѣтъ, не встану, — пусть за меня
лѣсъ золотой стоитъ, —
Лѣсъ золотой,
Я іюньскій поденщикъ,
У меня плечи — сила,
За плечами широкій міръ,
Вкругъ день да вѣтеръ —
Впереди увѣренность.
У меня іюнь, іюнь и день.

СТРЕКОЗА.

Но, вѣдь, ты голубѣй неба, стрекоза. — Я царевна! — Небо синее. Слышенъ густой пчелиный звонъ, онъ пахнетъ медомъ и смолой. Небо синее. Какъ поетъ земля и дышетъ лѣсъ! Съ золотыхъ стволовъ шелестятъ чешуйки. Точно отъ солнца откололись. И отъ жара все кругомъ хочетъ радостно расколоться, какъ вотъ эта щепка съ танцующимъ звукомъ.

Стрекоза на пнѣ, подъ наплывомъ солнца, разгибаетъ стеклянныя крылья, и по нимъ, блестя, льется жаръ.

Растянулся ничкомъ охотникъ созвучій и мыслей и — жарится. Стрекоза, драгоцѣнность, царевна покачалась надъ его плечами и граціозно сѣла ему пониже спины, принявъ эту часть за холмикъ. И блеститъ драгоцѣннымъ рубиномъ на его панталонахъ. Онъ и не подозрѣваетъ объ украшеніи, — да еще этотъ хохолокъ на его лбу, вдобавокъ. Это вмѣстѣ придало ему видъ одураченный и милый. Стрекоза сверкаетъ рубиномъ на его драныхъ панталонахъ, а передъ его широкими, точно впервые очарованными глазами, другая, синяя, опускается и поднимается, поднимается качаясь на медовыхъ лѣтнихъ волнахъ.

Въ груди моей сегодня такъ мило проситъ.

Душа отвѣчаетъ смолистому дню.

Душа хочетъ великаго, душа хочетъ избраннаго, глубины, безграничной сокровищницы, возможнаго.

Вотъ тутъ подъ ногами еще сухо и хвойно, внизу зеленъ бережекъ таинственной канавки, и священныя зеленыя урны папоротника свершаютъ обрядъ... Въ груди у меня проситъ душа.

Тогда душа сосенъ выходитъ ко мнѣ смолевымъ плавнымъ волненіемъ и говоритъ такія таинственныя слова:

„Ты знаешь, ты — единственная!

„Узнай, — ты наша, запомни! Тебя прислали сюда Геніи Вѣстники! — Для насъ. И это мы наполнили тебя.

„Еще знай, что во имя насъ и беззащитной, оскорбленной здѣсь человѣкъ природы, ты должна“...

Въ эту минуту зовутъ обѣдать.

— Сейчасъ! Я сейчасъ иду!..

Какъ это скучно!..

*
*   *

Отъ счастья лѣтняго рождаются слова! Все хорошія слова:

„ Прудикъ, водикъ,
бродикъ,
верблюдикъ,
растерятикъ,
пароходикъ.

А пароходикъ со звонкой, красной Американской полосой сегодня утромъ видѣли съ балкона.

*
*   *

Ахъ! какая лодка! У нея веселый носъ, крутыя ребра, — вся она веретенцомъ: бѣлая, съ красной и зеленой полоской. Идетъ и ныряетъ, ныряетъ носомъ: такъ и рѣжетъ волны: съ ней размечтаешься не на шутку, — летитъ! Перегони пароходъ! Ну ихъ! Поцѣлуй, — поцѣлуй синюю волну!..

Наше вамъ! очарованной бѣлой принцессѣ — башнѣ маяка.

Ну, ныряй! ну еще! — еще!.. Ну, — еще же! Зовутъ ее „Рыбка“.

Хоръ.
У него ли рыбочка
Лодочка весна
До того ли ходкая
Завидно ладна!

Онъ.
Рыбка моя лодочка
не посмѣй топуть
Съ красной да полосочкой, —
ходкая мигнуть.

Хоръ.
Лодка, лодка, лодочка —
одного мигнуть
Не посмѣй рыбешечка
затонуть.

Онъ.
Ладна, ладна, лодочка,
да во днѣ дыра,
Подвела малюточка
къ рыбкамъ привела.

Хоръ.
Ахъ, его ли лодочка
да не хоть куда —
до краевъ маленечко
тина, да вода.

*
* *

Да здравствуютъ гордыя калоши! Кто встрѣтитъ въ лѣсахъ Балтійскаго побережья пару калошъ, безъ человѣческихъ жалкихъ ногъ, — да узнаетъ — это вѣдь мои калоши. Они были слишкомъ славны и велики, слишкомъ велики — чтобы держаться на ногахъ. Возвышенныя! Счастливъ тотъ, — кого назовутъ они другомъ, — на чьихъ ногахъ они согласятся путешествовать... Они всегда презирали меня.

Дождикъ, дождикъ, звени на крышахъ дачъ славную пѣснь о свободныхъ калошахъ!.. Они были такъ благородно независимы и салонно воспитаны, — что почти никогда не оставались въ передней... Нѣтъ!.. И я замѣчалъ это лишь тогда, когда они уже успѣвали достойно заслужить вниманіе всѣхъ, сидящихъ въ гостиной...

Я не завистливъ, — но на нихъ всегда обращали — гораздо больше вниманія, чѣмъ на меня... Я не вынесъ соперничества...

И вотъ, одинокія гордыя, немного унылыя, — они — свободны. О, калоши, калоши, гордыя калоши сѣвера!

*
* *

Эхъ ты! У тебя рубашка вылѣзла надъ поясомъ!
Хоть полпуда муки высыпай тебѣ въ рубашку.
Что разставилъ граблями пальцы — Эй ты, мямля!
Ну, что уставился, да еще раскрылъ ротъ!
Ты правишь лодкой?
Нѣтъ.
А лошадью?
Нѣтъ.
А дерешься?

Нѣтъ, право, оставь меня!

„Что жъ ты дѣлаешь цѣлый день, длинная простофиля?

Да, оставь, ну, не надо...

Эхъ, отколотилъ бы тебя, да жаль, и вдобавокъ ты — король, это для тебя, собственно, и небо, и земля...

Да, ну, тебя, ты теперь такъ и простоишь розиня ротъ до самаго Покрова! Знаешь, что, дамъ-ка я тебѣ шлепка прямо изъ милосердія, а то простоишь вѣдь, такъ, король, до самого Покрова.

* * *

Звѣздочка
Высока.
Она блеститъ, она глядитъ, она манитъ,
Надъ грознымъ лѣсомъ
Она взошла.
Черный грозный лѣсъ,
Лѣсъ стоитъ.
Говоритъ: — въ мой темный знакъ,
Мой темный знакъ не вступай!
Отъ меня возврата нѣтъ —
Знай!
За звѣздой гнался чудакъ,
Гнался...
Гдѣ нагнать ее
Не отгадалъ...
Не нагналъ —
И счастливъ былъ, —
За нее,
За нее пропалъ!

НА ПЕСКѢ.

Сосновыя шишки, выбѣленныя на пустынномъ пескѣ соленой водой и солнцемъ, принимаютъ голубой цвѣтъ.

Въ каждой шишкѣ, въ разгибахъ ея согнутыхъ чешуекъ кристаллизованная буря. Упорный вѣтеръ, — кристаллы сѣвернаго настроенія. Они были собраны въ шапку и принесены домой, — вмѣстѣ съ раковинами улитокъ, сомнительно пахнувшими тиной, и хорошенькими сухими шариками, которые дома выброшены встрѣтившими, за свое явно заячье происхожденіе и за которые принесшій былъ осмѣянъ. Какъ — осмѣянъ! Отбиваясь, онъ пробился сквозь кусты — оставивъ на сучьяхъ клочья тонкихъ волосъ и бросился какъ молодой жирафъ нелѣпыми шагами осмѣяннаго. Почему? Вѣдь заячьи шарики были сухіе и очень хорошенькіе. Въ округленныхъ ямкахъ песку лежали какъ въ гнѣздышкахъ.

ТАЙНА.

Есть очень серьезная тайна, которую надо сообщить людямъ.

Мы, милостью Божьею мечтатели,
Мы издаемъ вердиктъ!

Всѣмъ поэтамъ, творцамъ будущихъ знаковъ — ходить босикомъ, пока земля лѣтняя. Наши ноги еще невинны и простодушны, неопытны и скорѣе восхищаются. Подъ босыми ногами плотный соленый песокъ, точно слегка замо-

роженый и только межъ пальцевъ шевелятся то холодныя то теплыя струйки. Съ голыми ногами разговариваетъ земля. Подъ босой ногой поетъ доска о теплѣ. Только тутъ узнаешь дорогую близость съ ней.

Вотъ почему, поэтамъ непремѣнно слѣдуетъ ходить лѣтомъ босикомъ.

*
* *

Это положительный позоръ цѣлый день грѣть пятки на пескѣ!

Это могутъ дѣлать только отступники своей вѣры, измѣнники своей родины, которые не воспѣваютъ ея красоты, не защищаютъ эту красоту могуществомъ слова...

О, лѣнь, великая лѣнь!
Моя мечтательная лѣнь!

*
* *

Вѣтеръ, вѣтеръ, налетай, налетай,
Сумасброда выручай!
Я лодку засадилъ, засадилъ на мель,
Засадилъ корму.
Тростникову
Чащу, чащу
Раздвигай.
Я лодченку
Засадилъ, засадилъ...
Чтобъ-ему!!

СОЛНЕЧНЫЙ СОНЪ.

Какая широкая грудь у всѣхъ сегодня! Съ дюнки пахнетъ солнечнымъ утромъ. Точно глотаешь холодненькія волны.

Полуступая робкой обнаженной походкой прошли свѣтлоногіе дачные мальчики; у нихъ еще не обтерпѣлись ступни, и легко накалываются на сосновыя иглы.

Сосны баюкаются, солнечныя тѣни растворены нѣжно молокомъ воздуха.

Съ юга потянули бѣлыя кудрявыя нѣженки — расплавились въ голубомъ напиткѣ высоты.

Пощекоти мнѣ тихонько за ухомъ, вѣтеръ!.. Да не такъ-же! Никто не проситъ тебя щекотать мнѣ носъ! Я и безъ тебя знаю, воздушный чудакъ, что носъ у меня немножко длинноватъ. — Что? — Неправда! Это не я вчера опрокинулъ тетину жардиньерку и смахнулъ вазу цвѣтовъ со стола! Я всегда ловкій, я стройный, я созданъ для того, чтобы восхитительно танцовать, — я принцъ! Пощекоти мнѣ мою лѣвую пятку, песокъ, — вотъ такъ!..

Облако мое милое, — облако мое милое, ласковое, — небесный бѣлый теленочекъ — сонный небеснымъ сномъ...

НАКОНЕЦЪ СОЛНЦЕ.

Въ саду стоитъ молоденькій нѣмецъ репетиторъ. У него немножко сиротливая спина, но сейчасъ ее ему обогрѣло солнце; руки у него болтаются и ноги тоже. На ходу, ради равновѣсія, онъ держитъ немного открытымъ свой ротъ и видъ у него чуть-чуть ошалѣлый; но за то онъ славно поревываетъ отъ удовольствія басомъ, — недавно полученнымъ въ подарокъ отъ матери природы. Еще не умѣя справиться съ мужскимъ голосомъ, онъ иногда реветъ черезчуръ и тогда виновато поглядываетъ на домъ.

Солнце ласково грѣетъ его.

Иногда даже очень скромный юноша думаетъ, какой я милый, и хочетъ погладить себя по шеѣ къ подбородку.

Нельзя въ солнечный добрый день не любить своей щеки и своего округлаго подбородка.

И онъ тутъ же конфузится.

Другой юноша усердно и дѣловито, двигая челюстями и ушами, жуетъ хлѣбъ? Нѣтъ, цѣлую большущую плитку шоколада. Это нелѣпо, и потому нельзя не любить его за это.

* * *

А въ лѣсу радостный часъ!

Въ лѣсу цвѣтетъ толкнянка — маленькія, розовыя цвѣточки. Вся земля, кочки мха въ миндальной пѣнѣ!..

Земля сплошь въ розовой пѣнѣ!!

Ахъ, блаженный воздухъ, радостный часъ! —

Въ лѣсу цвѣтетъ тонкими цвѣточками толокнянка!!!

ДѢТИ СОЛНЦА.

Нѣкоторыхъ солнце такъ нѣжно и богато пригрѣваетъ, что имъ совершенно дѣлается безразлично, что̀ направо идти, что̀ налѣво, — что̀ завести общество въ болото, что̀ вывести на удобную дорожку, — лишь-бы свѣтило любящее ихъ солнце.

Они сбиваются съ дороги, попадаютъ ногами въ лужи, забываютъ качку предательскаго лѣсного болота. Имъ вездѣ слишкомъ хорошо, чтобъ замѣчать дорогу.

Вмѣсто того, чтобы имъ завидовать, надъ ними смѣются, и на нихъ страшно сердятся.

А солнце все ласкаетъ, ласкаетъ дорогого разиню, пока онъ бредетъ, за все задѣвая, теряя калоши или парусиныя туфли, съ карманомъ, вывороченнымъ на маперъ ослинаго уха, и мурлычетъ себѣ подъ носъ отъ счастья мечтать среди всеобщаго возростающаго негодованія.

. . . .

Такъ какъ одинъ изъ членовъ колоніи растерялъ въ лѣсу всѣ свои книжки, а мы ихъ подобрали, —

То доводимъ до его свѣдѣнія, что это нами сдѣлано въ самый послѣдній разъ.

„Да не теряетъ впредь!“

*
* *

Да прославятся балконы песнятыхъ дачъ, песочныя ямы, косогоры, сарайчики!

Тамъ собирались все лѣто совѣщаться, тамъ провозглашали чудные девизы искусства!.. Тамъ были клубы мечтателей, когда одни сидѣли, подкорчивъ ноги, па ступенькахъ, а самый смѣлый и полоумный съ очарованными голубыми глазами, размахивая въ тактъ рукой, декламировалъ глуховатымъ баскомъ легочнаго, а въ наступающихъ сумеркахъ бобъ бѣлѣлъ, и рукава сорочки лѣтней чудились крыльями и нѣсколько гнутыхъ стульевъ дачной обстановки, направленныхъ къ стихамъ, — слушали разинувъ рты.

О, красота, во имя которой сидятъ и кротко кашляютъ на нетопленныхъ чердакахъ!..

Сквозь рѣшетку балконной рамы сіяла звѣздочка.

А лодка?

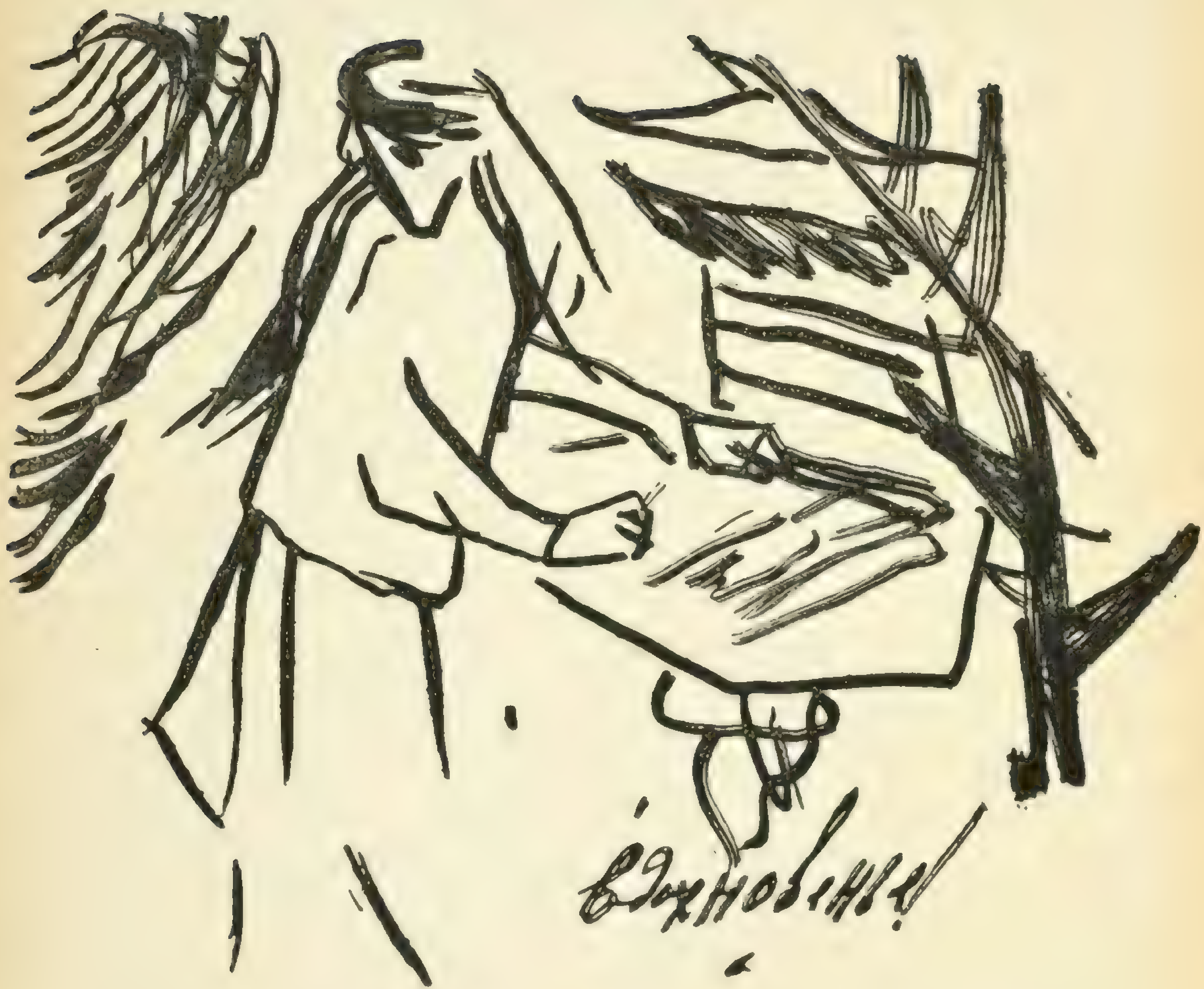
И плавкость мечты?! — Эта дача подъ старинной березой!

Корабль, — буря!..

Г-нъ редакторъ, полиція, то бишь, буря, конфисковала номеръ. —

— Это загремѣлъ громъ?

Нѣтъ, это вѣтеръ принесъ громъ лѣсопилки.

вдхновінне!

* * *

Твоя скрипка немного сошла съ ума. — Это день, день, день, и мы вѣримъ въ духовъ! Бѣлокурый, любезнаго вида, духъ прогуливается по небу, межъ березами. Къ стопамъ его пристала голубизна. Какіе мы съ тобой счастливые! Ты вѣришь, что обзаведясь семьей, можно быть опять Богомъ, исправляться уже будучи въ чинахъ, увидать какъ Моцартъ овладѣлъ голубизной березы, — и что завтра — цѣль сегодня.

Мы качались въ гамакѣ и мечтали о безсмертіи души, молодыя сосны были въ солнцѣ.

Петли скрипѣли.

Мы себя мнили почти духами.

Качели летали. Вѣчная юность — да вѣдь это достижимо!!

* * *

— Почему ты не хочешь?

— Почему не хочу! Потому что тамъ печатаются, пристраиваются черезъ связи; трусы, чтобы пройти тамъ, подлизываются, а послѣ становятся въ дверяхъ и отталкиваютъ молодыхъ и не даютъ имъ войти, потому что они талантливѣе, — оставляютъ ихъ въ темнотѣ....

— Мы извѣстны, — ты нѣтъ! Люди ничего не узнаютъ о тебѣ, они пойдутъ за тѣми, о комъ мы напишемъ. Какое ты имѣешь право желать свѣта!

— Я талантливъ!

— Намъ какое дѣло!

— Я жажду свѣта!

— Намъ то что до этого.

— Я человѣкъ!

— Свѣтъ нашъ не обязанъ удовлетворять всѣхъ.

— Я хочу служить людямъ!

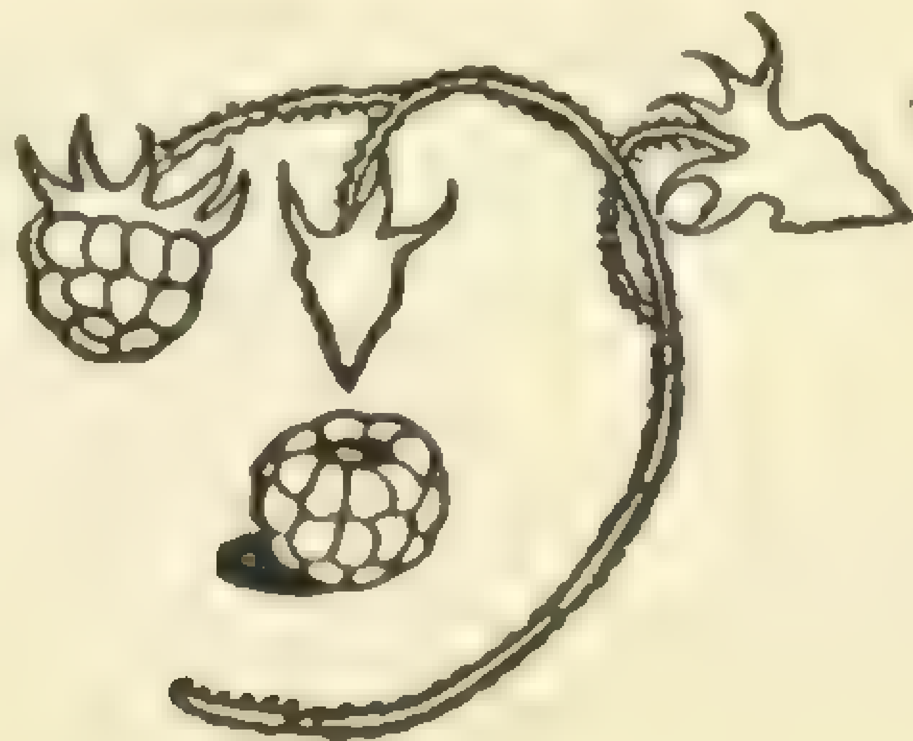
— Это другое дѣло, — заглуши свою жажду и свои фантазіи

Ахъ, всегда звѣзды качаются —
Не поднимутся никогда.
И пускай деньки маются....
Дни, дни, — динь, динь....

— Почему ты ни за что не примешься? Ужъ не день ли Святого Лѣнтяя у тебя сегодня!

— Ну, лѣнтяя ты ужъ оставь. Каждый мѣсяцъ бываетъ только 5 дней Св. Лѣнтяя:

1) Когда мнѣ не хочется. 2) Когда я никакъ не могу собраться. 3) Когда я собираюсь завтра начать. 4) Когда почти совсѣмъ было началъ работу, да надо отдохнуть. 5) Когда мнѣ все трынь-трава.

*
* *

Море плавно и блеско
Летаютъ ласточки.
Становится нѣжно розовымъ.
Мокнетъ чалочка,
Плыветъ рыбалочка
Летогонъ, летогонъ,
Скалочка!

Что еще за скалочка? Это просто такъ, я выдумалъ. Это очень мило, Скалочка! — Скалочка! Это должно быть что-то среднее между ласточкой и лодочкой!...

*
* *

Дождики, дождики,
Прошумятъ, прошумятъ.
Дождики—дождики, вѣтеръ—вѣтеръ
Заговорятъ, заговорятъ, заговорятъ—
Журчатъ.

Маркизы дачи хлопаютъ, какъ паруса. Они пропахли соленымъ моремъ.

— Эй! Не спите же! — Ну, васъ! Ну, что корректуры?

— Убирайтесь! Я мечтаю — и вообще...

— Довольно! Сооружаемъ мы журналъ или нѣтъ? — Если къ одиннадцати не будетъ готово, я отколочу васъ палкой. — Серьезно. — Я ухожу.

— Погодите, — вы слышали? Погодите же, — елку повалило надъ оврагомъ, едва не задавило весь нашъ ручей.

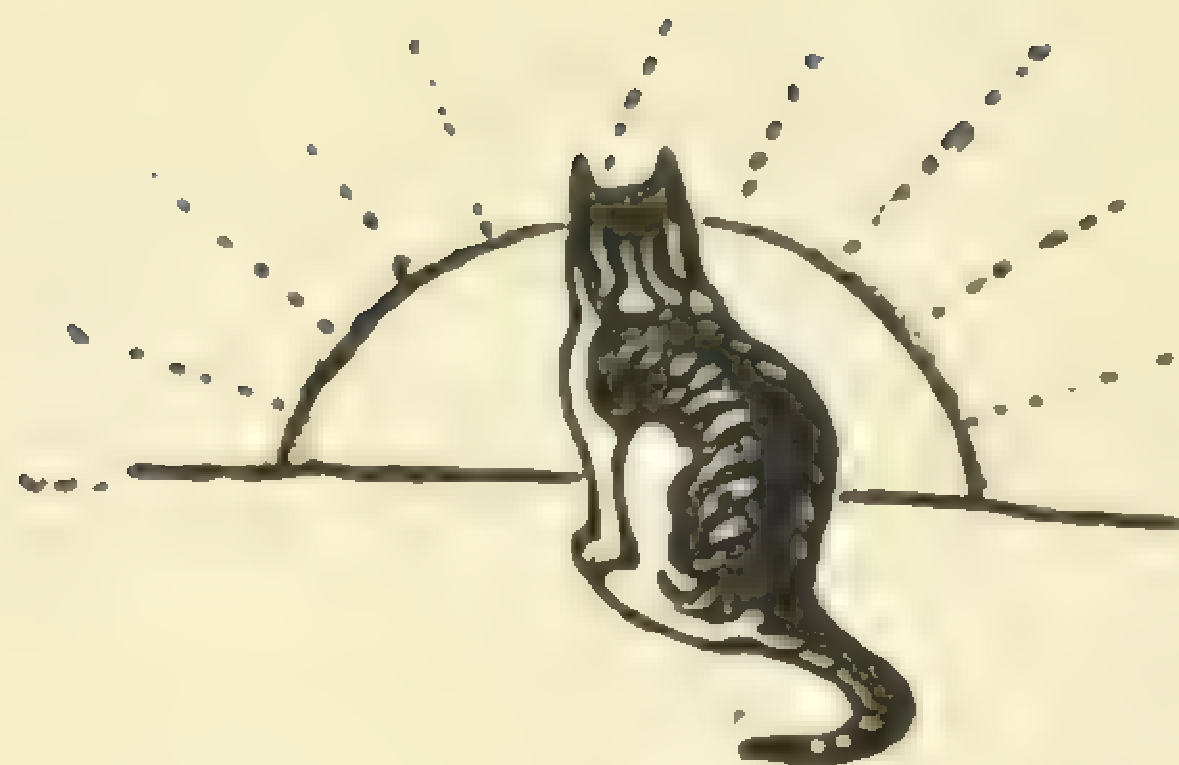
— „Эй, новость тоже!

— Богъ знаетъ, что дѣлается на морѣ — шкмаритъ по чемъ ни попало.

— Такъ или корректуры — или...

— А убирайтесь къ чорту!!

Въ лучезарной блѣдности небо. Въ раздавшихся въ обѣ стороны свѣтлыхъ перьяхъ облаковъ — знакъ ширины, знакъ полета, и во все это врѣзались мачтами кресты елокъ.

Въ вѣтвяхъ сосенъ и всюду дремлютъ тысячи сонныхъ ритмовъ.

Сосны испускаютъ столько молчанія, что оно поглощаетъ звуки.

Золотые стволы, люди, дни, мысли — погружены, какъ рыбы, въ свѣтлый іюнь.

Я молюсь покровителямъ тихимъ съ крыльями широкими и нѣжными, какъ большое море и тихая дюна.

ОБЛАКА ПРОХОДЯТЪ КАКЪ СНЫ.

„Отъ моихъ пѣсенъ люди станутъ лучше“, — думаетъ онъ. И вотъ онъ легонько идетъ по досткамъ и поглядываетъ кругомъ. Пусть они станутъ прямыми, честными, добрыми — и смѣлѣе — тутъ онъ чуть-чуть смущенно улыбается, вѣдь онъ самъ не всегда смѣлый.

„Отчего имъ быть лучше отъ моихъ пѣсенъ? Оттого-ли, что въ моихъ пѣсняхъ будетъ вотъ эта стройная сосенка? Розовый прозрачный верескъ, такой чисто-розовый, что никто не можетъ не любить его? Если очень полюбить стройную вершинку, можно ли затѣмъ кого-нибудь обмануть?

Нѣтъ, никогда!

Напишу ли я эти пѣсни? Нѣтъ ли? Моя ли это судьба? или нѣтъ?“

Тихо, тихо сладко дышется, „моя ли, моя ли?“ Молится, — „не моя ли это дорога? — А вдругъ не моя.“

Тихо, тихо сладко мучится сердце. Хочется, чтобы были угрызенія совѣсти; — хочетъ помучиться — и не можетъ: впереди еще такъ много времени для исправленія.

Впереди стройны и чисты, одна за другой, мѣряютъ небо молодыя вершины.

Если смотрѣть на нихъ, развѣ можно не быть честнымъ?

Развѣ можно не быть счастливымъ отъ радостнаго ожиданія?

Лукаво хочется ему томиться, быть грѣшникомъ, раскаиваться; хочется исправляться.

Полюбятъ ли люди мои пѣсни? Полюбятъ ли мою сосну?

Легкимъ стройнымъ крестомъ мчится въ беззаботное кроткое небо ея вершина.

Пугливые дачники проходятъ вплотную мимо него и отъ страха принимаютъ презрительный и суровый видъ, а онъ, уступая дорогу, растерянно соскакиваетъ съ мостковъ.

* * *

Струнной арфой
— Качались сосны,
   гдѣ свалился полисадникъ.
У забытыхъ береговъ
   и свѣтлаго столика, —
рай неизвѣстный,
   кѣмъ-то одушевленный.
У сосновыхъ стволовъ
   тропинка вела,
населенная тайной,
   къ ласковой скамеечкѣ,
видѣнной кѣмъ-то во снѣ.
   Пусть къ ней придетъ
вдумчивый, сосредоточенный,
   кто умѣетъ любить, не знаю кого,
ждать,—не зная чего,
   а заснетъ, душа его улетаетъ
къ свѣтлымъ источникамъ
   и въ серебряной ряби
веселится она.

На небосклонѣ свѣтящійся кусочекъ несбыточно радостной страны выглянулъ изъ за тяжелыхъ отъ дождя березъ, — туда былъ указанъ путь. Но путь былъ смѣшной, а въ несбыточную радость вѣрилось.........

* * *

Застѣнчивый юноша любилъ цвѣты. Они въ невинномъ удивленіи вытягивались изъ земли, и лицо каждаго было невозвратимо, и горемъ, большою жестокостью было бы обмануть довѣрчиваго; радость каждой бѣлой звѣздочки, каждой хрупкой чашечки, раскрытой сердцевины.

Но руки большія и кроткія умѣли прикасаться съ такой чуткостью состраданія и предвѣдѣньемъ неиспытаннаго, что въ этомъ царствѣ беззащитности никто не боялся тихихъ шаговъ приближающагося большого непонятнаго созданія.

Потому что есть совсѣмъ прямая дорога въ небо и вверхъ устремленныхъ высокихъ вѣтвей, и сбѣговъ крышъ. Гдѣ вѣтви, какъ птицы, какъ мечи, кресты и предзнаменованія.

Этимъ днемъ было молочно-нѣжно, тихо и волкло. Онъ уже и раньше замѣчалъ, что у юныхъ сосенъ стволы — струны. Вѣтви — вознесены.

Молодой боръ стоитъ, какъ тихій стройный огонь.

Звѣзда, звѣзда моя, или нѣтъ, иначе. — Ахъ ты, тихая лань моя...,.. Такъ онъ назвалъ не дѣвушку, а жизнь свою: потому что она была очень кроткая. Онъ не любилъ еще.

Въ высотахъ не было вѣтра.... Онъ долго, долго стоялъ.... Онъ не обѣщалъ передъ струнами ничего........ Но за него передъ ними-было произнесено,....... и онъ не слышалъ, но почувствовалъ.

Не сказалъ ни слова. Вздохнулъ, не зналъ о чемъ вздохнулъ. Онъ тихонько возвращался заплетая ногу за ногу...... Опоздалъ къ ужину. Его выбранили..... Онъ рѣзалъ потихоньку перочиннымъ ножикомъ столъ. Думалъ.... Разсматривалъ свой средній палецъ....... Думалъ.........

Такъ его обѣщали жизни.

МЕЧТА.

Нѣжнѣй облака будетъ моя любовь, когда я полюблю,
но я не полюбилъ еще,
Нѣжнѣй улыбки облака будетъ моя любовь, но погодите,
я не любилъ еще.
Прозрачнѣе озера будетъ моя любовь, но я не любилъ еще.

Или уже можно? Или уже пора? — Или уже пора, — чтобы надъ озернымъ тростникомъ всталъ туманъ розовый и уже не разсѣялся. Еще разъ журавлиной дальнозоркостью я погляжу отъ косы до косы, намѣтивъ въ ясности утра самую четкую вѣточку сосны.

* * *

Ты моя радость.
Ты моя вершинка на берегу озера.
Моя струна. Мой вечеръ. Мой небосклонъ.
Моя чистая вѣточка въ поблѣднѣвшемъ небѣ
Мой высокій-высокій небосклонъ вечера.

Буревѣстникъ, шалунъ, стремитель —
Ждетъ тебя буйный лѣсъ!
Вознеслись его короны гордыя до облаковъ
Это братья разбушуются!
Не разслышишь голоса твоей печали,
Когда бѣшено запоютъ
Въ мутномъ небѣ махая вѣтви.
Вотъ такъ братья!
Въ небо они подняли лапы,
Бурно ерошатъ хвои.
Буревѣстникъ, нѣжный мечтатель,
Ты ловишь звѣзды
Въ пролетахъ ели
Въ невода твоей нѣжной, красивой глупости
Собираешь рубины брусники
И подвизи клюквы на ковры взоромъ,
Ловишь глазами и отпускаешь опять въ небо
Немного разставивъ пальцы,
Пропускаешь въ нихъ пряди
Горячаго свѣта.

Іюнь.

Вечеръ. Длинныя, тонкія, чуть-чуть грустныя полосы на небосклонѣ.

„Видите, надо иногда пройти босикомъ по крапивѣ“. Сказалъ и смолкъ и самъ подумалъ: „Ну, чтожъ, значитъ, надо.“ Думалъ и покусывалъ пальцы. Жалѣлъ, что сказалъ.

Это былъ очень застѣнчивый чудакъ. Отойдя въ сторону, надъ нимъ уже насмѣшливо смѣялись.

Въ небосклонѣ надъ плоскимъ пескомъ дюны завинчивала чайка ржавую гайку. Сосны Калевалы побережья, взмахнувъ, отъѣхали. Не было плеска. И у берега лежалъ вечерній переполненный безмолвіемъ свѣтлый глазъ.

Мечтательная страна,
сѣверная сторона,
безбрежный взоръ
великій и великодушный.

Въ небѣ была удивительно свѣтлая полоса. Онъ этого хотѣлъ такъ, и ему дѣйствительно приходилось за это ходить босикомъ по крапивѣ... Потому она его и оставила.

Ей казалось стыдно и смѣшно, когда обоженная босая нога неловко невольно вздрагивала. А онъ былъ простодушный, онъ смѣло лѣзъ черезъ крапиву, босикомъ. Но иногда у него отъ боли смѣшно дергалась при этомъ нога. Этого-то ему и не простили.

Бѣдная красивая барышня, — она не умѣла летать!..

ЮНЬ — ВЕЧЕРЪ.

Какъ высоко крестили дальнія полосы, вершины —
Вы царственныя.
Разскажи, о чемъ ты такъ измаялся
вечеръ, вечеръ ясный!
Улетѣли въ верхъ черныя вершины —
Измолились высоты въ мечтахъ
Изошли небеса, небеса . . . . . .
О чемъ ты, ты, изомлѣлъ — измаялся
Вечеръ — вечеръ ясный?

Пролегала дорога въ сторонѣ,
Не было въ ней пути.
Нѣтъ!
А была она за то очень красива!
Да, именно за то.
Приласкалась къ землѣ эта дорога,
Такъ прильнула, что душу взяла.
Полюбили мы эту дорогу
На ней поросла трава.
Доля, доля, доляночка!
Доля ты тихая, тихая моя.
Что мнѣ въ тебѣ, что тебѣ во мнѣ?
А ты меня замучила!

ВЕЧЕРЪ.

Эта боль, когда сердце любовью разрывается въ пространство — къ дереву, вечеру, небу и кусту. И любитъ потому, что не любить, что не любить оно не можетъ.

. . . .

* * *

Что мы знаемъ о красотѣ?.. Вотъ мы считаемъ горбатыхъ некрасивыми, а въ своей грубости мы просто проворонили ихъ красивый часъ. И недождавшись тепла, ихъ красота ушла.

Такъ создаемъ мы сами забытую красоту, и потомъ она гоняется за нами, и жалитъ насъ, и требуетъ себѣ тепла, въ которомъ ей было отказано, свѣта, отъ котораго ее прогнали, и безъ котораго она такъ и ушла, пока мы молились съ благоговѣніемъ на противное, надменное лицо Юноны.

Почему горбатаго считаютъ некрасивымъ, — вѣдь, у него бываютъ часы красоты, а у Юноны — свислыя, злыя, чувственныя губы и моменты острыхъ, куриныхъ, жадныхъ, бѣгающихъ глазъ. Но насъ убѣдили, что прямой носъ и дуги бровей — красота и полнота красоты.

МОЛИТВА ВЪ СѢРЫЙ ДЕНЬ.

Пахнетъ нѣжно тиной, тиной. Всѣхъ море любитъ. Близко грѣетъ Божья воля. Богъ, создавшій эту дюну. Богъ, Покровитель, помоги мнѣ — я нехитрый. Боже вѣрный сѣрой дюны, ты бережешь твоихъ сѣрыхъ птичекъ на пескѣ. Я нехитрый, а враговъ у меня много. Я вродѣ птицы, помоги мнѣ.

А не знаешь, что отъ единой мечты твоей родятся бури? А не знаешь что отъ иной единой чистой мечты родятся бури?!..

НОЧЬ.

Ночью таяло. Небо стояло совсѣмъ раскрытое. Шелъ дождикъ. Нѣтъ, капалъ туманъ. У фонарей нависали, мерцая, почки на почти невидимыхъ голыхъ прутьяхъ. Распускалась весна. Едва-едва повѣрила душа и стояла совсѣмъ обнаженная, добрая и глубоко повѣрила всему. Всякій могъ ее ранить, если бъ ее не укрывала тайна ночи. Была съ весной. Паръ поднимался, землей пахло, шелъ дождикъ.

*
*   *

— Любишь ли ты песокъ?

— Люблю, онъ мягкій.

— Любишь ли ты сосну?

— Люблю, если къ ней прижмешься щекой съ солнечной стороны — она теплая...

— А ты любишь лошадь?

— Люблю. У нея милыя ноздри.

— Ты любишь ли море?

— Да. Я замѣтилъ, въ тихіе дни оно любитъ меня.

— Ты любишь ли землю?

— Какъ вы можете это спрашивать, вѣдь она... она — мнѣ мать!

. . . .

Когда я смотрю на звѣздное небо я думаю: такъ ли добры духи другихъ звѣздъ, какъ добра земля.

И мнѣ хочется заплакать отъ сочувствія къ ней: у нея постоянно что-нибудь отнимаютъ.

Я хочу защищать ее.

Я буду защищать ее!

* * *

Какъ флагъ, какъ накрепенный вымпелъ мчится въ синемъ небѣ, такъ помчалась ты на встрѣчу вѣтра, моя весна.

Я знаю, ты вѣришь въ меня. Ты вѣришь, что если я сижу нелѣпо цѣлый день въ лѣсу, уткнувшись глазами въ кочку, и будто ничего не дѣлаю, то это не спроста, не даромъ. Что если я говорю о неудачахъ, то это передъ самыми искренними усиліями.

Ты вѣришь въ меня, ты вѣришь такъ, что умѣешь ждать за меня. Вѣришь, когда я самъ въ себя не вѣрю, и — когдя вѣрю въ себя какъ въ Бога! Никогда ты не сердишься на меня за это! А люди вообще за это сердятся.

Ты вѣришь, дай тебѣ Богъ вѣтеръ родной и родную землю. На родной намъ землѣ ходятъ островерхія мохнатыя вершины. На родной намъ — лѣсныя дали безъ конца раскрываются, вершины острыя въ небо смѣльчаками умчались, — ходятъ по вѣтру надъ теплымъ картофельнымъ полемъ.

На родной намъ землѣ — иныя зори и иной вѣтеръ.

ВДВОЕМЪ.

— Надо быть чистой искренней душой, чтобы — стать рыцаремъ.

— Что же ты дѣлаешь, чтобы исправиться?

— Я по утрамъ выхожу къ молодой соснѣ, и мѣряю свое нынѣшнее ощущеніе чистоты съ ея высотой, — но это почти жестоко...

И ты это мнѣ разсказалъ! Теперь я вижу какой ты...

* * *

Ты вѣришь въ меня?
— Я вѣрю въ тебя. —
А если онѣ всѣ будутъ противъ меня?
Ну да, какой же ты, я вѣрю въ тебя.
Если всѣ мои поступки будутъ
позорно противъ меня?
Я-же вѣрю въ тебя!

Въ небо улетаетъ, улетаетъ ласточка — кружится отъ счастья. На дюнѣ пасмурно, сѣро и тихо.

Куличекъ льнетъ къ песку.

АДАЖІО.

На берегу дюны двѣ сосны имѣютъ форму чаши. Бока золотой божеской чаши — нарисованы ихъ расходящимися стволами. Пока стволы возносятся вмѣстѣ, — это ея подножіе. Верхніе края разогнуты въ облака печальнымъ разгибомъ приморской страны. Въ клочковатой хвоѣ, — вихри.

Мы назвали эту чашу — чашей глубины, чашей задумчивости и вѣрности.

ЭТЮДЪ МОЛОДОЙ СОСНОВОЙ РОЩИ НАДЪ ВЗМОРЬЕМЪ.

Пасмурное сиреневое небо — вечерѣетъ, какія онѣ стройныя!

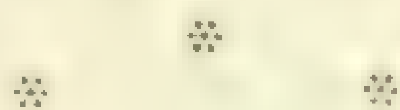
Я васъ люблю за то, что вы крылатыя, а крылатость ваша еще съ пушкомъ первой молодости. Этотъ пушокъ золотистый, звенящій, а ваши крылья, ваши крылья надъ моремъ.

Море синее и далекое — полоса до которой летятъ дерзновенья, а дальше — онѣ сливаются съ синью, и я не знаю дальше мечта или синь лежитъ.

И не надо, не все ли равно! пушокъ юныхъ, крылатыхъ героевъ звенитъ, — а ихъ стройность иногда немного кривоватая, — нежданная, какъ ранній ростъ.

И примчались въ славу и высь въ свою родную страну гдѣ задумались облака . . . и больше мнѣ ничего о васъ знать не надо, я вамъ вѣрю — зовете меня голосами отваги, они жгутъ меня какъ пламя чистоты, но вверху задумались облака надо мной:

Я иду, и больше мнѣ ничего знать не надо!

Спрашивалъ ты себя, — зачѣмъ, ты выходишь утромъ на опушку лѣса — и стоишь тамъ и ждешь? Это мѣсто съ коричневой чистой землей, присоренной крупными иглами. Зачѣмъ это тебѣ надо? и въ то же время это тебя мучаетъ! . . .

Твоей душѣ тогда холодно. — Зачѣмъ тебѣ это любо?

— Вотъ сейчасъ „оно" откроется, тутъ же въ молчаніи. Я понесу тогда это въ сердцѣ, боясь сказать о немъ слово. Откроется то, чего ждалось всегда въ раннія суровыя тишины!

Чего ждалось, чего никогда еще не было, но что близко — больно подходитъ и когда уже любишь его до слезъ — не настаетъ. И только это одно — стоитъ подвига.

Вотъ зачѣмъ выходить на край голыхъ, высокихъ, одинокихъ стволовъ — и смотрѣть.

Зачѣмъ выходить на нетронутую, чистую землю лѣса и ждать . . . . .

* * *

Гордо иду я въ пути.
    Ты вѣришь въ меня?
Мчатся мои корабли
    Ты вѣришь въ меня?
Дай Богъ для тебя вѣтеръ попутный,
    Бурей разбиты они —
    Ты вѣришь въ меня?
Топутъ мои корабли!
    Ты вѣришь въ меня!
Дай Богъ для тебя вѣтеръ попутный!

FINALE.

Надъ соснами лучезарная, зеленая полоса.

. . . .

И они измѣнили ему... Онъ сказалъ: „Ну, что же, гдѣ-нибудь есть другіе... Вѣдь, живу же я, — вѣрный.

И взялъ на ладони голубую свою надежду и перенесъ ее повыше. Лаская, подбросилъ слегка. И полетѣла надъ верхушками и поселилась выше. Тамъ лежала недоступная серебристо-зеленая полоса.

И тамъ было чисто и вѣрно, и никто ее не обидѣлъ больше никогда.

БОРЪ.

Полными тихими шагами идетъ лѣто. Пролились по деревьямъ синіе водопады. Съ неба льется плавный потокъ налитой до краевъ голубизны.

Каскадами падаютъ съ березъ свѣтлые блики. Блики, блики, какъ серебряный звонъ.

Лѣсъ весь сквозной сіяетъ. Проходитъ гдѣ-то время. Солнце обтекаетъ каждый стволъ. Отъ сіянія безчисленныхъ былинокъ лѣсъ наводненъ особымъ веществомъ, какъ водой, — это подводный міръ. И гдѣ-то далеко идетъ время. Потомъ тонкая вѣточка черники или вереска особенно повернулась и необыкновенно свѣтится — отъ этого становится волшебно и сіянно.

Времени собственно нѣтъ.

Замѣтила, что въ бору крошечное растеніе брусники съ жесткими, какъ крылья зеленаго жучка, листьями живетъ у подножія великанскихъ колоннъ. И ей здѣсь родное мѣсто.

На твоей головѣ, если она свѣтловолосая или сѣдая, тоже сейчасъ сіяетъ свѣтъ. Если смотрѣть со стороны — въ темени ощущеніе теплой благословенности.

Потомъ покажется что-то давнее, давнее, но что, не знаешь сама.

Потомъ видишь, что простой колокольчикъ на кривой ножкѣ изогнулся и смотритъ на тебя. И темная трещина въ корѣ березы, подъ которой стоитъ блѣдносиній колокольчикъ, тоже смотритъ на тебя.

Потомъ ты, гдѣ то въ своемъ существѣ, становишься отчасти колокольчикомъ, а онъ – немного тобой. Теперь не придетъ въ голову сорвать его или такъ себѣ наступить на него. Потомъ: — ты завязалъ съ однимъ отношенія, — отзываются другія существа.

Теперь на тебя отовсюду смотрятъ острые хвостики, верхушечки мха, листики, сухія тонкія палочки, пятна на стволахъ.

Потомъ не хочется уходить изъ лѣса.

. . . .

Дома послѣ обѣда сонъ самый лѣтній — сквозь солнце. И приснилась сыроѣжка. Хорошая, желтая, свѣжая сыроѣжка во мху.

* * *

Когда вѣтерокъ такой теплый, такъ
его хочется собрать въ горсточку, —
вѣтерокъ мой вѣтерокъ . . . . .

* * *

— Итакъ, вы сидите все еще на своемъ одѣяльшкѣ и штопаете вашъ чулокъ?

— Почему же мнѣ его не штопать?

— Мужчина, поэтъ!

— Почему же мужчина не можетъ себѣ штопать чулокъ?

— Но вы помните мои обѣщанія?

— Очень чешется у меня спина отъ вашего обѣщанія!

— Ой, ой, смотрите! Вообще, я не знаю о чемъ тутъ и говорить. Вы прямо измѣнникъ своему отечеству: такихъ вѣшаютъ, а не то что... Въ жизнь свою не видалъ болѣе непонятнаго субъекта. Неужели и это для васъ...

Мчись въ веселую зелень липы,
Зелень липы — душа моя:

* * *

Весь день она тосковала о томъ, что развязался башмакъ. Она не рѣшилась остановиться завязать его и мимо всѣхъ прошла съ развязаннымъ башмакомъ. И о томъ, что отвѣтила всерьезъ на шутку, а надо было бы разсмѣяться. А она не догадалась, — о какъ это глупо, какъ невыносимо неловко, глупо.

* * *

Мнѣ все говорило, что будетъ впереди нѣчто большое. — И мнѣ тогда послышались въ жизни большіе шаги. И на горѣ закружилась голова.

Топъ, топъ, кто идетъ по темному саду?

— Это моя судьба? Это мое будущее? Но я знаю, что слишкомъ смѣло такъ разговаривать и пробую слукавить. Я вовсе ничего недостоинъ, я бездаренъ, бездаренъ, но за то я кроткій, я очень кроткій, я очень скроменъ и для меня хорошо бы и такъ прожить понемножку... Слышишь? Идетъ!

— Это моя судьба? Мое будущее?

И за вечернимъ чаемъ я наклоняюсь надъ чашкой, чтобы меня не замѣтили. И чашка мнѣ кажется ужасно синей, невозможно глубоко-синей.

Мнѣ тогда слышались большіе шаги и можетъ быть... Можетъ быть что-то въ жизни любило меня, но я сталъ слишкомъ золъ и мраченъ. И были измѣна и отступничество, и ожирѣніе.

А теперь большое сердце и злой правъ, очень злой правъ.

И вотъ теперь ручей подъ горой тоже высасываетъ мое сердце и льется, льется въ невозможную пустоту. Ужъ немного осталось, всего нѣсколько безразличныхъ предметовъ и затѣмъ уже пустота. Невозможная. И дѣйствительно она уже невозможна.

УТРО.

Окружной аллейкой пробѣжалъ мальчикъ и гналъ серсо.

. . . .

Почему не выражаю то, отчего изнываю восторгомъ? Какъ найти мои настоящія дорогія мысли? Чтобъ не сочинять мнѣ чужого и случайнаго. Вѣдь доходитъ же до меня весеннее. Пробѣжалъ мальчикъ; на плечахъ у него блузочка съ полосками; и я поймала мгновенный божественный скрипъ серсо и песчаную дорожку.

Въ глубинѣ папортники тонкими змѣйками зеленили черную землю къ водѣ. Новая кадка отмокала розовымъ свѣжимъ деревомъ. Надъ ней въ сквозной ивкѣ пѣла, точно нѣжнымъ небомъ прополаскивала горло, птичка.

И души деревьевъ весной такъ недосягаемо-чисты, унесены въ высоту, что люди внизу мучаются и кажутся себѣ невыносимыми.

Боже, чтобъ не заниматься мнѣ вѣчно чуждымъ, не сыпать чужихъ красивыхъ словъ, да еще со слезами энтузіазма въ глазахъ. Помоги мнѣ. Вѣдь это самоубійство-

Сосновая кадка, синій подснѣжникъ, поникшій застѣнчиво. Отъ синевы его больно. Боже, избавь меня отъ чужой красоты, я же въ глубинѣ прямая и горячая. Зачѣмъ синій, нѣжный въ травѣ уйдетъ необласканный, его красота невыносимовесенняя уйдетъ незапечатлѣнной, — жертва времени и чей-то плоскости, а я останусь виноватой со словами чужой холодной красоты на губахъ. Точно не дошли до меня небо и свѣтъ зелени.

Вѣдь это же убійство твоего земного зеленаго счастья. Это же убійство. А межъ тѣмъ у какихъ-то мохнатыхъ цвѣточковъ переходъ лепестковъ изъ сиреневаго въ розовое былъ порукой высокаго назначенія жизни — бездонной искренности и чистоты. И мохъ немного отзывалъ теплой землей въ своемъ бархатѣ.

И душа томится отвѣтственностью за уходящія мгновенія.

. . . .

Вечеръ. Высота свѣтла. Смотрю на возносящійся стволъ тополя.

Зачѣмъ такъ тяжело? И я не понимаю, гдѣ же наша глубина? Почему уходимъ отъ нея? И теряемъ свою глубину и съ ней свой настоящій голосъ. И больше не найдемъ дорогъ?

Ты, священный тополь, посылающій въ небо безгранично вѣтви. Всегда гордый, всегда правый, всегда искренній. Ты, правда неба — жертвоприношеніе глубины. Духъ величія.

А въ тонкихъ кристальныхъ березахъ знаки безсмертной жизни. Знаки, что кинутые здѣсь отрывки встрѣчъ и разлукъ, будто минутныя, — полны значенья — вѣчно и вѣрно.

Ну, пусть. Вы вѣрно знаете, недостижимыя, почему я здѣсь наказана неумѣньемъ. Вѣроятно это такъ.

ІЮНЬ. ОБЛАЧНО.

Травяной вѣтеръ гнулся такъ низко, что былъ коричневый, теплый; пахъ картофелемъ.

Длинный, длинный картофельный вѣтеръ, терпѣливый, долговязый вѣтеръ поля. Такою представляется родина.

Возвращеніе. Тепло. Немного стыдно неудачъ, но очень хочется вознести мое картофельное поле. Но не хочется насмѣшекъ. Стыдно! А надо быть искреннимъ и не бояться, что стыдно!

Такъ перешелъ лѣсокъ. На опушкѣ сквозь тонкія хвойныя вѣтки открылась розовая вечерняя заря.

Это заря! Это румяная заря!

Есть вещи, которыхъ не стыдно передъ Богомъ, но стыдно передъ людьми. А есть, въ которыхъ Бога невыносимо стыдно, а передъ людьми даже пріятно, но съ ними невозможно остаться наединѣ на хвойной опушкѣ вечерней зари.

Такъ вотъ выйдти можно на еловую опушку и очистить душу межъ высокихъ мачтовыхъ стволовъ. — Что-то на него смотритъ великое... Дурной ли онъ или хорошій? — Скорѣе дурной, тихо соглашаешься... Моя-ли это дорога? Гдѣ мое призваніе?.... Исчезнутъ лѣса, а люди будущаго будутъ хорошіе, нѣжные, оставятъ рости все какъ ему хочется — возстановятъ приволье...

* *

Ахъ ты, лучинный воинъ! Принцъ! Ахъ ты герой изъ моченой пакли!

Хорошо летѣть кверху ногами со споткнувшагося коня!

Хорошо въ толпу насмѣшниковъ угодить изъ замковъ мечты и глядѣть непуганно голубыми глазами.

Это что еще за нѣжности!
Вотъ тебѣ чувствительность!
Вотъ тебѣ исканія и чуткость!
Что не понравилось?
Какъ смѣешь ты быть нѣжнымъ,
Когда все должно стремиться къ планомѣрной устойчивости,
Выносливости, здоровью и силѣ?
Дайте ему выправку!
Не смѣй горбиться! Стой прямо!
Не таращи глазъ, смотри почтительно!
Мы тебѣ судьи, мы тебѣ правда — мы тебѣ...
Что за нѣжности!

* *

Вянутъ настурціи на длинныхъ жердинкахъ.
Острой гарью пахнутъ торфяники.
Одиноко скитаются глубокія души.
Лѣто переспѣло отъ жары.
Не трогай меня своимъ злымъ токомъ...
Межъ шелестами и запахами, переспѣлаго, вянущаго лѣта,
Бродитъ задумчивый взглядъ
Вопросительный и тихій.
Молодой, вѣчной молодостью ангеловъ, и мудрый.
Впитывающій опечаленно предстоящую неволю, тюрьму и
чахлость
Изгнанія изъ странъ лѣта.

* * *

Выплывали въ море упоенное
смѣлогрудые корабли.
Выплывали вскормленные
нѣжной прихотью весны.
Эхъ! лѣнтяй, лѣнтяй Ерема.
пролежалъ себѣ бока,
вѣтеръ свѣжій, скучно дома.
Небо нѣжная сквозина.
Ты, качай, качайся лодочка,
у песчаной полосы,
за тобой змѣйки веселые;
отраженья зацвѣли.
Зацвѣли восторгомъ золотомъ,
звонко красной полосой,
за меня рѣзвися, лодочка,
шалопаю велятъ домой.

РОЗОВЫЙ ВЕЧЕРЪ.

Вотъ въ розовомъ раю чисто выкупавшагося моря заблестѣли и поплыли необъяснимыя зеленыя полосы. И стало жаль ясности и того — чего нельзя было выразить, а объясненья не было. Поплыли полосы зеленаго молодого блеска и отвѣта не было. И все въ глазахъ невозвратимо и невыносимо стоялъ рай свѣта и воды.

Зачѣмъ непремѣнно нужно, чтобы рвалось что-то въ тебѣ, напрягалось, ныло отъ непостижимаго счастья, — и не было никогда этому никакого разрѣшенія?

САГАМИЛЬЯ.

Въ одномъ дачномъ блаженномъ раю, рамы балкона обведены зеленой стеклянной полоской, чтобы лѣтніе дни протекали счастливѣе. Для этого же балконъ переходитъ въ легкую всю деревянную галлерею и соединяетъ постройки. Низкое въ три ступени крытое крыльцо балкона задумчиво. Отъ него тонкая выгнутая дорожка, тонкая для одного, или только едва для двухъ, огибаетъ медленно и внимательно площадку съ высокими, великими деревьями, и развѣтвляется и свертываетъ тамъ, гдѣ ждетъ и мечтаетъ большая береза на краю.

За площадкой маленькій ровъ, обнятый ельникомъ, — скользкіе отъ полированныхъ иглъ края.

Если на нихъ поскользнуться и упасть, -- обожжешься крапивой на днѣ и оцарапаешься о какія то колючки и острые торчки.

Дорожка уйдетъ кладкой чрезъ ровъ на лужайку.

Межъ кустовъ жасмина можно было бы дружно играть въ разбойники и прятаться.

Береза у развѣтвленія указываетъ на стихшій западъ.

Липа смотритъ на балконъ.

На усыпанныхъ осенними листьями ступенькахъ сейчасъ сидѣли и читали. Дуплистая липа шатромъ склонила курчавую умную голову и знаетъ, что подъ ней прощались наканунѣ отъѣзда и вѣрили. Подъ липой еще лѣтомъ была забыта тетрадка стиховъ. Вымокла: ночью пошелъ дождикъ. Слиняла немного синяя обложка. Но тетрадка стала отъ этого кому-то еще болѣе любимой.

Потомъ дорожка уведетъ, осторожно разгибаясь, внизъ по скату. Точно дружеской невидимой рукой обняла за шею и повела.

Внизу прудъ; на немъ простой досчатый плотикъ. Здѣсь всегда недвижно и прекрасно стоятъ минуты. Кто то забывшись, опаздывалъ къ ужину.

Опрокинутое темное небо пруда глубоко.

Въ пруду навсегда темнопурпурная нѣмая иная страна.

На верху досчатый плотикъ выбѣленъ дождемъ и свѣтомъ до серебра, — и здѣсь можно стоять и вѣрить, обѣщать, выражать участіе, раздѣлять одиночество, привязываться и сострадать.

Но въ опрокинутой въ глубокую глубь березѣ и въ прекрасной, алой, сумрачной странѣ отраженій, гдѣ другое темное небо и идутъ въ глуби преображенныя алымъ сумракомъ облака, — чего-то не разгадать и не удержать. И жаль, — это уходитъ.

На верху нѣжный ростъ желтыхъ березъ и стройная ихъ мечта не увидѣла еще своего высшаго рыцарскаго дня, жизнь повернула и стала воспоминаніемъ, не живъ. — Это жаль — но за то въ мысли они ушли отъ времени и оковъ.

Они уже никому не принадлежатъ.

Съ краю по горѣ досчатый заборъ нѣсколько воинственно неприступный, заостренный раздѣляетъ наглухо отъ сосѣднихъ владѣній. Кирпичные толстые столбы будущей стѣны, — памятники чьей-то владѣльческой вражды.

Но у забора восходятъ молодыя лиственницы, такія прозрачныя, — что въ нихъ стремленье, мечта, смѣлость. И въ заборѣ кто-то прокопалъ лазеечку, гдѣ доски отошли отъ столба и, проскользнувъ въ садъ, можно опять идти по тонкой вдумчивой дорожкѣ кругомъ площадки до березы на краю, и потомъ она уведетъ осторожно внизъ, гдѣ прекрасны стоятъ минуты кругомъ пруда, и на пруду бѣлѣетъ досчатый плотикъ.

*
* *

Одни глаза въ юности были такъ нѣжны, что приласкавъ первую встрѣчную собачку на улицѣ, они потомъ еще просили минутнаго одобренія и сочувствія строгихъ чужихъ незнакомыхъ взглядовъ — у хозяевъ собачекъ. Имъ казалось, что на минуту, вѣдь, ихъ соединяло что-то. Ихъ чувство ласки встрѣтилось на собакѣ! Ихъ общечеловѣческое чувство ласки. Но не встрѣчая поощренія у строгихъ обладателей милыхъ и умныхъ собачекъ, конфузились и опускали взоры на безучастные камни панели.

И потомъ шли года и надо было сумѣть жить межъ этихъ самыхъ уличныхъ и строгихъ, знакомыхъ и незнакомыхъ, хозяевъ собачекъ.

„Ну и все?“ — Ну и все!

„Что же, они сумѣли“?

— Нѣтъ, конечно, не сумѣли,—потому то и все.

*
* *

Они были прелестной супружеской четой. У нихъ было уютное гнѣздо... Онъ имъ попался на холодной пустой дорогѣ. Одинокаго и заброшеннаго ребенка пріютили.

Онъ скоро обласкался, сталъ довѣрчивъ. Онъ научился улыбаться и весело заглядывать въ глаза. Сталъ выбалтывать имъ свои фантазіи: — его называли мальчикомъ и гладили ему волосы. И вотъ опять онъ сталъ довѣрять и кое-что завѣтное и чего вообще не рѣшался говорить — и еще о томъ, что дѣлаетъ людей поэтами, — онъ нашелъ

родину и родныхъ, бездомное дитя. Отъ восхищенья передъ ними въ немъ раскрылось утро. Тогда это укололо ихъ; тутъ было кое что такое, отчего жизнь трезвая и порядочная — показалась-бы подловатой.

Онъ становился ужасно неудобенъ и докученъ, — взрослый невоспитанный мальчишка, котораго навязали себѣ въ порывѣ излишняго человѣколюбія и общительности. „Молчите! — Вы уже слишкомъ заходите далеко, молодой человѣкъ!“... Но, онъ не могъ молчать, въ немъ уже запылало солнце. Онъ даже себѣ позволилъ — спорить съ ихъ гостями... Тогда его выбросили, то-есть ему довольно ясно показали, что онъ здѣсь — лишній. Для него сразу погасли звѣзды и сломились крылья... Онъ даже самъ понялъ, что ужъ нельзя оставаться, — онъ тихо ушолъ. Можно было просто не останавливать его... Когда его согнутыя плечи изчезали въ сгущавшейся темнотѣ за калиткой. — Они переглянулись: — „Собственно жаль что-какъ разъ теперь такая холодная ночь! — Почему бы ему не дождаться до утра!“ Подумала она съ досадой. — Супругъ направился просто облегченными шажками домой и потомъ объ этомъ забыли. Зажгли прелестную лампу. Они были счастливы вдвоемъ. Мимо ихъ дома шла ночь и длинная дорога...

И все-таки красота жизни была для него, а не для нихъ. И березы шумѣли для него а не для нихъ.

Еще былъ одинъ.

Онъ кричалъ, какъ галчонокъ, добиваясь, чтобы его впустили туда, гдѣ было свѣтло.

— Пустите меня, тамъ у васъ красиво. —

— Позвольте спросить, кто вы, что?

— Я...

— Почему же вы думаете, что вамъ есть мѣсто тамъ, гдѣ красиво?

Мы создали красивое и свѣтлое, мы жрецы его — и наши избранники.

Но Вы?

— Я, видите ли очень... Я страстно люблю искусство, и жизнь такъ невыносимо сѣра и скучна безъ него.

— Ну, такъ что же?

— Да я за него готовъ отдать жизнь, — такъ я его люблю.

— Ну, что же намъ-то это?!

И они закрыли дверь.

*
* *

Мы собрались у лампы въ общей комнатѣ.

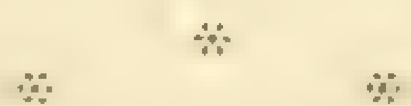
Вечеръ прильнулъ и, казалось, чуть-чуть дрожалъ за стеклами.

Отъ любви къ кому?

Стекла были съ тонкой бѣлой молоденькой рѣшеткой. Онѣ были тонкія чистыя, выкрашенныя бѣлой краской. Это придавало выраженіе крайней молодости.

Мы никакъ не могли отдѣлаться отъ мысли, что кто-то этимъ вечеромъ долженъ былъ придти.

Его надо было позвать и впустить къ намъ. Открыть ему двери сердца.

Наконецъ-то поэта, создателя міровъ, пріютили. Конечно понимавшіе его, не презиравшіе дыбомъ волосъ и дикихъ свирѣпыхъ голубыхъ глазищъ. Съ утра художники ушли, а вечеромъ застали его блѣднымъ. Весь дрожалъ и супился. Забылъ поѣсть или не нашелъ цѣлый день, со свирѣпыми глазами и прической лѣшаго. Случайно узнали и хохотали: — Да, не ѣлъ! Забылъ поѣсть, — ну, малый! Дрожитъ, какъ курица, согнувшись и животъ въ себя вобравши.

Межъ палитрами консервы оказались. Колбасы купили съ задняго крыльца лавочки.

Былъ часъ ночи. Купили и вернулись. Послѣ дрыхли наповалъ.

Разсвѣтъ шалилъ. Вода замерзла въ чашкѣ. Всѣ выспались. Одинъ поэтъ озябнулъ. Потому что одѣяла комъ на плечахъ и комъ на пяткахъ оказался, а спина довольствовалась воздухомъ. И Норны провѣщали ему: — „Не быть тебѣ угрѣтымъ, поэтъ, — хотя бы имѣлъ два теплыхъ одѣяла, тьму знакомыхъ и семь тетокъ, не быть, не быть тебѣ ни сытымъ, ни угрѣтымъ.

Я боюсь за тебя. Слишкомъ ты сродни пушистому ростку земляники, вылѣзающему изъ земли. И не спроста ты цѣлуешь котятъ между ушками.

Я боюсь какъ бы тебя не обидѣли люди.

Можетъ, къ тебѣ придетъ маленькій дьяволъ въ маскѣ и скажетъ:

Все вздоръ, кромѣ звука шарманки па дворѣ...

Какъ охотно ты ему повѣришь...

А вѣдь проспектомъ въ это время также будутъ катиться автомобили.

И красные, кирпичные, разсвирѣпѣвшіе корпуса фабрикъ будутъ стукотать, стукотать, стукотать.

Пока такихъ маленькихъ, какъ ты, городъ прячетъ въ карманы своихъ тихихъ, заросшихъ дворовъ окраинъ, какъ тысячи другихъ бездѣлушекъ, но послѣ, послѣ...

* * *

Одному мальчику обижали мать. Онъ хотѣлъ бы драться, а могъ только молча сопротивлятъся и увертываться, потому что это былъ большой, сильный и грубый врагъ.

Ему не позволили ходить въ школу учиться: „Рости невѣждой!" Онъ ничего не разсказалъ матери и спряталъ молча книжки.

У него хотѣли отнять его озера, его милыя голубыя озера. И онъ рѣшился опускать бѣлобрысыя рѣсницы и молчать: въ этомъ была его защита и другой не было. Онъ сталъ угрюмъ.

— Видишь, какого змѣеныша воспитали! Мы его справедливо наказывали, вѣдь, онъ всѣхъ насъ ненавидитъ.

Онъ долженъ былъ выслушивать все молча, машинально вертя въ рукахъ ручку корзины. Это былъ блѣдный сѣверный мальчикъ. Въ широкій упорный пролетъ межъ его глазъ вошло честное небо и море. Широкій, голубой взоръ моря.

Онъ бы могъ хитрить, но мать же и выучила его ходить въ кирку и быть честнымъ. Онъ любилъ ея безуздное качаніе вершинъ, ея кирку и таратайку и шарфъ намотанный въ іюльскій жаръ на шеѣ и пѣсню и пѣсню...

Это все была его мать. У него отобрали его деревянныя игрушки, — онъ молчалъ. И за то, что онъ не любилъ ихъ, хотя и молча, — у него отняли свободу.

ЛѢСНЫЯ МЫСЛИ.

Мнѣ уже 34 года, но я убѣжала отъ собственныхъ гостей. Какое чудное чувство спасшихся бѣгствомъ! Чтобъ незамѣтили съ опушки пришлось низко прилечь лицомъ ко мху, къ старымъ еловымъ шишкамъ. Дно лѣса выстлано мохомъ и тонкими прутиками. Въ лѣсу все одѣто собственно своимъ лѣснымъ излученіемъ. Въ лѣсу съ каждымъ мигомъ ты лѣснѣе. Все лѣсное очень требовательно, — все „не тронь меня". И недостижимо прячется отъ чужихъ. Ярко оранжевыя чешуйки, упавшія съ темной елки, прутики сѣдые, святые отъ дождя: ихъ врагъ никогда не видѣлъ и не касался, — не тревожилъ ихъ нѣжную лучевую воздушную оболочку. Требовательныя, неприступныя, гордыя лѣсныя вещи: иглы рыжія, блестящія и старыя сверху упавшія. Какая то пурпуровая штучка. Все это можно и не замѣтить. Когда наконецъ оторвешься почти съ болью отъ лѣса, ото всего этого отнимешь душу, какъ

щенка отъ пищи, и пойдетъ занимать гостей,—точно въ дѣтствѣ шла готовить уроки. Боль потери кровно своего. Навѣрно и тогда это былъ такой же непоправимый непозволительный ущербъ.

Думается тутъ легко, само собой. Вчера въ воду ванны насыпалось много лѣсныхъ еловыхъ иглъ. Въ окно былъ лѣсъ.

Въ ваннѣ думала. У меня есть знакомая дѣвочка свѣтло-соломеннаго цвѣта, и съ прозрачной почти облачной плотью. Ея жизнь одинъ изъ моихъ сновъ. Она воспитана съ нѣжной, нѣжной бережливостью, она знаетъ, что она небесный ягненочекъ, богъ матери и домашнихъ. Дѣвушка мыла меня и разсказывала мнѣ про нее, — она ее любила. „У насъ Танечка всегда такъ балуетъ въ ваннѣ. Барыня нарочно скажетъ: „Принесите песку Танечку мыть пескомъ!“ — „Нѣтъ не смѣйте!“ скажетъ, что это тамъ еще за песокъ! Осторожнѣй, Саша, у меня все, вѣдь, такое нѣжное! Ноги нѣжныя, спинка такая нѣжная!“ Иназоветъ: одна нога у нея Маша, а другая Глафира. Маша умная, а Глафира шалунья. Начнетъ бить по водѣ своей Глафирой и обольетъ насъ всѣхъ. И не могутъ удержаться, чтобы не потеребить, не заласкать. А еще была другая дѣвочка. Другую совсѣмъ не ласкали, и она не знала, что у нея есть тѣло и имъ можно любоваться. Ее всегда рѣзко торопили одѣваться послѣ ванны: тѣло было просто малоудобная штука, которую надо прятать. Разъ новая дѣвушка, вытирая дѣвочку послѣ ванны, вдругъ разсмѣялась громко и задорно и хватила ее за животъ гдѣ пестрѣла, какъ мушка, смѣшная родинка. Дѣвочка невѣроятно оскорбилась сама не зная чему, затопала ногами: „Какъ ты смѣла! Какъ ты смѣла! Какъ могла! Какъ ты

смѣла!“ Она вся тряслась отъ безсильной непонятной обиды и отчаянья. Напугала и разобидѣла дѣвушку. Она подросла. Была рѣзка непозволительно, и за что-то чудовищное „противъ этикета“, ее хотѣли высѣчь. Но едва мать протянула къ ней руку, та пришла въ изступленье,—подняла пронзительный крикъ, разорвала на матери платье. Ее удалось оторвать только послѣ того какъ мать отбросила хлыстъ. Всѣ вѣроятно подумали, что она кричала изъ страха боли, никто никогда не догадался, конечно, что она такъ кричала отъ паническаго смертельнаго страха оскорбленія, что ея коснутся.

Знаютъ ли вообще создающіе законы, что эти законы караютъ не одинаково, что́ одному смертельный холодъ, — другому..... А обоихъ присудили одинаково. Или неужели законникамъ, какъ и родителямъ, это все равно?

Но горько-эта способность оскорбляться, эта неприкосновенность, она теряется. Я обѣихъ дѣвочекъ очень люблю, онѣ обѣ талантливыя и гордыя, но одной изъ нихъ я горько завидую. Душу бы надо беречь какъ бабочку, вѣдь понимаютъ-же: если хочешь оставить бабочку живой, нельзя ее обтирать пальцами.

Такъ у насъ обтираютъ наше главное.

А то еще бываетъ такъ, — бываетъ противное: кто-то подошелъ и, не спросясь, хотимъ ли мы, или нѣтъ, научилъ грязнымъ словамъ, спѣлъ въ уши куплетъ и тогда уже лѣсъ для тебя не такой лѣсной, лѣсныя свѣчки маленькихъ цвѣточковъ не такія священныя и сказочныя и меньше счастья. И ужъ ничего нельзя сдѣлать, чтобы попрежнему своему особенному — не знать — и кусаешь себѣ руки.

Одной изъ дѣвочекъ я завидую.

ОСЛЕНОКЪ.

Бѣжитъ осленокъ, — повода закинуты па шею. На немъ сидитъ принцъ — и въ глазахъ несетъ Весну.

Онъ сидитъ бочкомъ, сложивъ съ царственнымъ достоинствомъ ноги.

Это принцъ и правитъ ему незачѣмъ,

Я не знаю, чѣмъ это кончилось. Можетъ быть осленокъ споткнулся, — принцъ полетѣлъ въ грязь и когда онъ поднимался перепачканный, смущенный и увидѣлъ свою корзиночку испорченной и прелестныя растенія разсыпанными, ему было ужасно стыдно тѣхъ, кто прошествовалъ мимо въ незапятнанныхъ одеждахъ, полныхъ достоинства.

Мнѣ это неинтересно знать. Для меня важно знать одно:

Бѣжалъ осленокъ, и имъ никто не правилъ. — па немъ сидѣлъ принцъ, а въ глазахъ онъ несъ Весну.

ВЕСНА.

Къ рѣшеткѣ сіяющей зелени подошелъ прохожій. Похожъ на дворянина изъ Ламанча тѣмъ, что длинный, несуразный съ нѣжнымъ выраженіемъ лба и кистей рукъ. Но сѣверъ далъ ему свѣтлые волосы и глаза. Одѣтъ онъ теплой фуфаечкой.

Остановился, руку положилъ на рѣшетку. Смотрѣлъ, смотрѣлъ не отрываясь на зелень. Запачкалъ ладонь пылью. Потеръ о панталоны. Оторвался, пошелъ своей дорогой.

Я мечтаю: если бы въ такой точно вечеръ подошелъ къ моей калиткѣ несуразный прохожій, и сразу безъ мученій прочла я въ добрыхъ глазахъ, что ему здѣсь хорошо. Больше ничего. Думаю, впередъ я найду самые разные способы приласкать одинокихъ. Узнаю, гдѣ-нибудь живетъ человѣкъ съ нѣжнымъ весеннимъ лбомъ, и пошлю ему шарфъ нѣжной шерсти сиреневыми полосками или бѣлый ягнячій — и буду радоваться, что мой нѣжный шарфъ ему ласкаетъ шею.

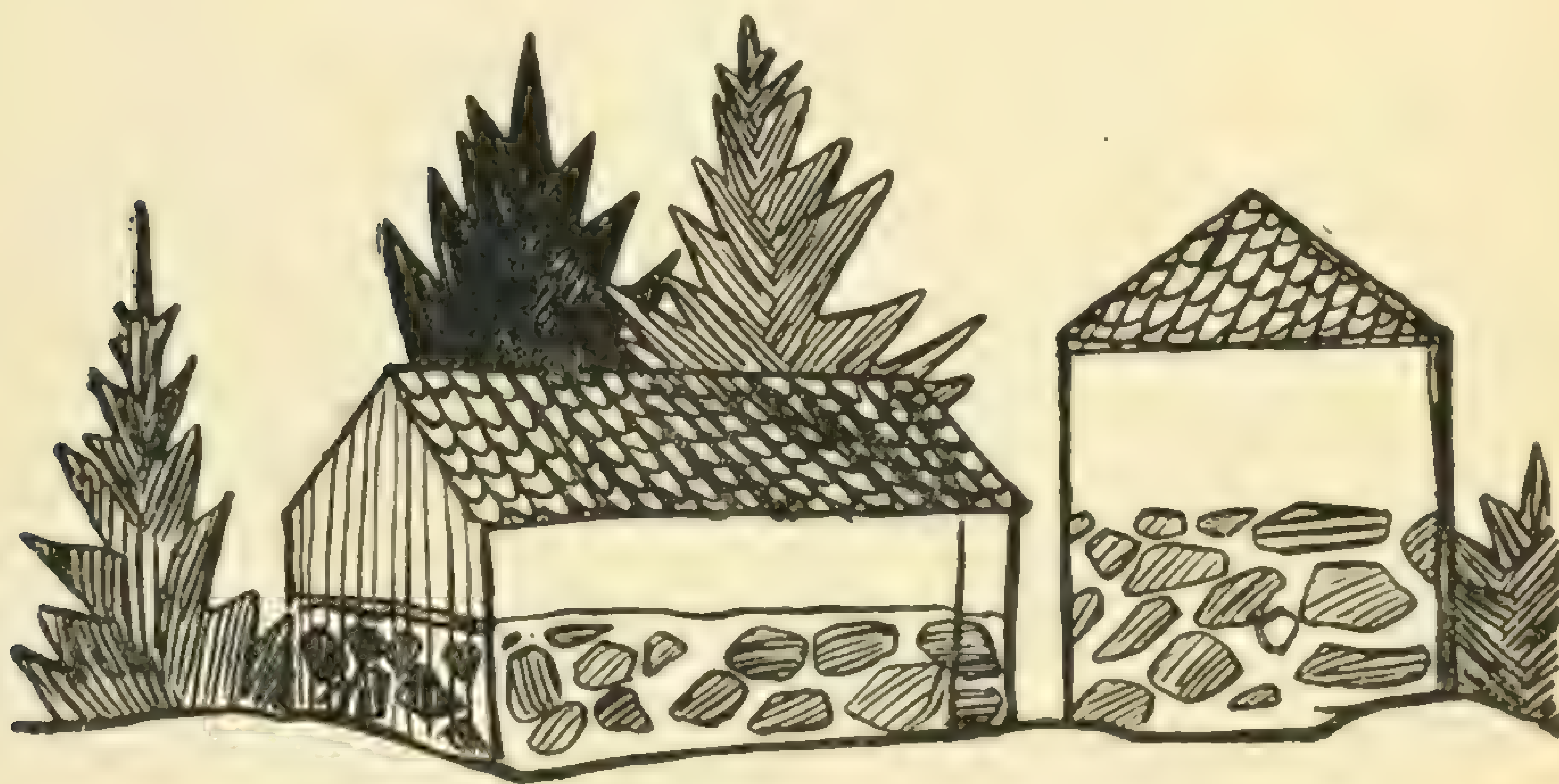
Такъ водянистый вѣтеръ дышалъ несбыточнымъ весеннимъ, и нетерпѣливой становилась душа.

* * *

Межъ кочекъ пробираются нѣжныя нити созвѣздій. Созвѣздія тонкихъ слабыхъ бѣлыхъ звѣздочекъ, Они радуютъ. Холодно. Вѣтрено.

Возвращаются, разговаривая о подвигахъ, о жизни. Бѣлыя созвѣздія служатъ кому-то путеводной нитью.

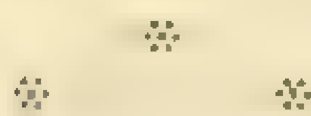
Сарайчикъ обратилъ на встрѣчу озаренью большой сѣверный лобъ. Такъ онъ будетъ высоко настроенно смотрѣть во всю бѣлую ночь. Съ черемухъ бѣлая молочная молодость разливается въ воздухѣ, — льется къ человѣку. Душа притягивается, выходитъ изъ границъ на встрѣчу...

ДѢТСКАЯ БОЛТОВНЯ.

— Няня, а если кошечка женится, у нея будутъ дѣти?
— Ну, да.
— Вырастутъ дѣти, а кошечка?
— Состарится.
— Няня, кошечка умретъ? Какъ жаль!
— Кошечка-то умретъ, душа то останется.
— А если кошечка была святая? Будетъ кошечка ангелъ?
— Вѣнчикъ будетъ за ушками, ясненькій вѣнчикъ
Полетитъ, какъ птичка!
Киса летучая —
Птички то испугаются, — а она ихъ не тронетъ. —
Ей ужъ не надо!
— Няня, а бываетъ у кошечекъ душа?
— А заснешь ли ты, подлая!
Постой я тебя! —

У меня есть кусочки медоваго солнца.

Солнце было желтое, — и камушекъ застылъ желтый. Солнце было розовое, — и камушекъ застылъ розовый Солнце было медовое и застылъ твердый медовый персикъ.

Свѣтятся медовые камушки. Теплѣютъ прозрачные края, а сверху они подернуты нѣжнымъ розовымъ инеемъ.

Въ голубой лепешечкѣ звѣздятся серебряныя звѣздочки.

* * *

Я хочу изобразить голову бѣлаго гриба умной и чистой, какой она вышла изъ земли, захвативъ съ собою часть планетной силы. Стѣны и крышу финской виллы, какой они выглянули изъ лѣсной горы, омытыя удаленностью на высотѣ къ облакамъ.

Облако надъ горой, какимъ оно стало, переплывъ свѣтлую небесную сферу.

Лбы звѣрей, освѣщенные бѣлою звѣздочкой, какъ ихъ создало живое Добро дыханія.

И моего сына, съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ похожъ на иву длиннымъ согнутымъ станомъ, а поникшей мило прядкой волосъ на лбу — на березу, а свѣтлыми глазами на молодую лиственницу вонзившуюся вершиной въ небо.

Только онъ еще добрѣе ивы: на немъ вмѣсто коры нѣжность — и свѣтлѣе лиственницы. Онъ смѣется надъ собой. Его прикосновенье благословляетъ вещи.

СЛОВА ЛЮБВИ И ТЕПЛА.

У кота отъ лѣни и тепла разошлись ушки.
Разъѣхались бархатныя ушки.
А котъ раски... — исъ...
На болотѣ качались бѣловатики.
Жилъ былъ

Ботикъ — животикъ
Воркотикъ
Дуратикъ
Котикъ пушатикъ,
Пушончикъ,
Бѣловатикъ,
Кошуратикъ —
Потасикъ. . .

* * *

А теплыми словами потому касаюсь жизни, что какъ же иначе касаться раненаго? Мнѣ кажется всѣмъ существамъ такъ холодно, такъ холодно.

Видите ли, у меня нѣтъ дѣтей, — вотъ, можетъ, почему я такъ нестерпимо люблю все живое.

Мнѣ иногда кажется, что я мать всему.

* * *

Уѣзжай далеко, далеко мой родной, родной.

Я тебя истерзала, я у тебя отняла твою кроткую граціозную жизнь. Не прощай мнѣ...

Корабли, корабли, корабли далеко, родной мой!

Она умирая говорила — ты вернешься! Лучше уходи навсегда къ маленькой невинной башнѣ въ синемъ далеко, за голубые края.

Ахъ, ты вернешься!

. . . .

Я хочу, чтобъ онъ меня любилъ больше своей жизни, ласку мою — больше солнца.

Я хочу, чтобъ душа его разрывалась отъ нѣжности.

Но я также хочу, чтобы на мою ласку онъ мнѣ отвѣтилъ со сдержанностью дѣтскаго превосходства:

„Мнѣ некогда, мамочка, черезъ полчаса уходитъ мой поѣздъ". И прыгнулъ бы въ бричку.

Мнѣ некогда, отплыли мои корабли далечко, сказалъ молодой викингъ своей невѣстѣ — и уже машутъ чайки вслѣдъ моимъ кораблямъ.

И онъ не поцѣловавъ ее, умчался. А въ лѣсу выпалъ межъ тѣмъ миндальный снѣгъ толокнянки, и лѣсъ былъ, какъ въ вѣнчальномъ уборѣ.

Я хочу, чтобъ онъ часто забывалъ здороваться и прощаться.

Я лежу въ постели, я больна, я жду его съ нетерпѣніемъ — чтобы онъ посидѣлъ около меня немного.

Долго ли я проживу? Я слабѣю быстро.

— „Мама, представь себѣ, — я уѣзжаю на Шпицбергенъ мнѣ кажется, я тамъ напишу лучше мою поэму, чѣмъ на нашихъ кроткихъ озерахъ!“

— „Уѣзжай! Если я умру раньше, чѣмъ ты вернешься, сумасшедшій, напиши въ этой смѣлой поэмѣ про свою мать — свою мать!“

Такимъ я себѣ мечтаю его.

Сегодня были священныя рощи надъ бѣлыми песками, выросшія для молчанія. Поднявшія тяжелыя вѣтви въ неподвижномъ воздухѣ.

Люди, какъ звѣзды, шли сіяя проникновеньемъ. Жалѣли кристальное. Полнозвучны были минуты, — ни одна не уходила даромъ.

МЕЖЪ СНОМЪ И НЕ СНОМЪ.

Я стояла въ свѣтломъ песчаномъ перелѣскѣ, свѣсивъ голову къ плечу, и чувствовала себя лошаденкой съ отметенною вѣтромъ челкой и смирнымъ словно пришлепнутымъ хвостомъ, и глядѣла сквозь серебро волосъ, сіявшихъ на глаза. И потому, что на Иванъ-Чаяхъ высокихъ разсыпался пухъ стеклянный сѣмянъ, и золотѣли во мху иглы уже линявшихъ сосенъ, — это такъ для меня соединилось, что я слышала воскресеніе душъ и сіяющую пристань найденной, наконецъ, радости и глубокій, медовый сонъ молодости еще небывалыхъ твореній и возможнаго.

И я услышала миги живыми и душу ихъ соединеній; что будетъ Воскресеніе каждой пушинки красоты — безконечное, незакатное, негаснущее, — такое, какъ розовые цвѣточки вереска. Неугасаемая пристань.

Я стояла лошаденкой съ льняною челкой на лбу. Въ свѣтлой вырубкѣ съ одной стороны на другую отъ высокихъ Иванъ-Чаевъ летѣли стеклянные пушинки, серебрясь.

ОБѢЩАЙТЕ.

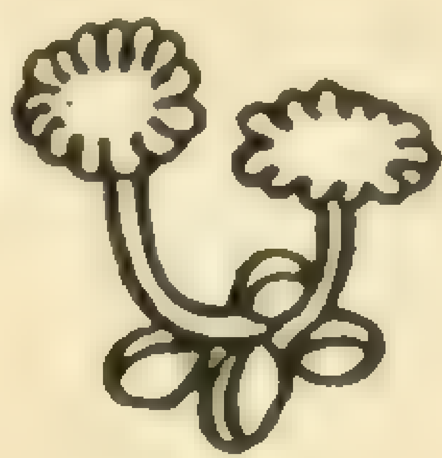
Поклянитесь далекіе и близкіе, пишущіе на бумагѣ чернилами, взоромъ на облакахъ, краской на холстѣ, поклянитесь никогда не измѣнять, не клеветать на разъ созданное — прекрасное — лицо вашей мечты, будь то дружба, будь то вѣра въ людей или въ пѣсни ваши.

Мечта! — вы ей дали жить, — мечта живетъ, — созданное уже не принадлежитъ намъ, какъ мы сами уже не принадлежимъ себѣ!

Поклянитесь особенно пишущіе на облакахъ взоромъ, — облака измѣняютъ форму — такъ легко опорочить ихъ вчерашній ликъ невѣріемъ.

Обѣщайте, пожалуйста! Обѣщайте это жизни, обѣщайте мнѣ это!

Обѣщайте!

Изданіе „ЖУРАВЛЬ“
вышли слѣдующіе книги:

ШАРМАНКА. Е. Гуро.
САДОКЪ СУДЕЙ I.
ОСЕННЫЙ СОНЪ. Е. Гуро.
САДОКЪ СУДЕЙ II.
ТРОЕ.
НЕБЕСНЫЕ ВЕРБЛЮЖАТА.
Е. Гуро.

Въ печати:
БѢДНЫЙ РЫЦАРЬ. Е. Гуро.

ЦѢНА 1 Р. 20 К.

Типо-лит. Акц. О-ва „Самообразованіе“,
Спб. Забалканскій пр., д. № 75.

